

АНДРЕЙ ВОРОНИН

ИНСТРУКТОР

ГЛУБИНА ПАДЕНИЯ

Инструктор

Андрей Воронин

Инструктор. Глубина падения

«ХАРВЕСТ»

2013

УДК 882(476)
ББК 84(4Беи-Рус)

Воронин А. Н.

Инструктор. Глубина падения / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2013 — (Инструктор)

ISBN 978-985-20-0035-2

К бывшему инструктору ГРУ Иллариону Забродову обращается его сосед по лестничной клетке старик Грановский с просьбой спрятать весьма ценную для него папку, которую оставил его погибший в авиакатастрофе сын. Так Забродов неожиданно оказывается в центре запутанной истории, корни которой уходят еще в начало двухтысячных, когда владелец авиакомпаний «Серебряные крылья» Эдвард Паршин только начал поставлять оружие в страны Ближнего Востока. Наладив сотрудничество с поставщиками оружия из США и Германии, Паршин настойчиво пытается найти папку Грановского. В действие втягиваются ГРУ, спецслужбы зарубежных государств, но Забродов, как всегда, думает не только о делах государственной важности, но и о безопасности самых незащищенных в этой истории – вдовы погибшего Грановского и их сына Мити...

УДК 882(476)
ББК 84(4Беи-Рус)

ISBN 978-985-20-0035-2

© Воронин А. Н., 2013
© ХАРВЕСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Николаевич Воронин

Инструктор. Глубина падения

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Глава 1

У бывшего инструктора ГРУ, капитана в отставке Иллариона Забродова были причины не доверять журналистам. Даже после выхода в отставку он избегал каких бы то ни было контактов с прессой, особенно если корреспондент – женщина. И теперь ему было не по себе оттого, что он, стреляный воробей, вдруг вот так сразу дал согласие на интервью с главным редактором, точнее, редакторшей нового глянцевого журнала «Сноб» госпожой Паршиной, которая где-то нашла номер его мобильного и набралась наглости позвонить сегодня ни свет ни заря, первым в этом году по-настоящему летним утром, сломав все его планы.

А ведь он настроился выехать на природу. Точнее, сначала в небольшой подмосковный городок Зареченск, где, наполняя все вокруг пряным сладковатым ароматом, вовсю цвела сирень и его терпеливо ждала та, которой он был бесконечно дорог. Это она сообщила, что ее сосед вчера за пару часов наловил полведра карасей. Знала, чем его купить. Заядлый рыбак, Забродов с прошлого лета не держал в руках удочки. И теперь у него были все шансы наверстать упущенное. Даже когда вчера вдруг всплыло одно из давних неоконченных дел, Забродов решил обдумать его по дороге. А с утра, до отъезда, у него еще оставалось время полистать, как следует рассмотреть при дневном освещении уникальное подарочное издание «Тысячи и одной ночи», которое он только вчера приобрел. Его предупредили, что при солнечном освещении иллюстрации воспринимаются как-то особенно.

И вот теперь все рушилось из-за какого-то никому не нужного интервью с главным редактором глянцевого журнала «Сноб» госпожой Паршиной. Позвонила-то она утром, а встречу назначила на вечер, при этом не назвав точного времени. Чисто журналистская привычка...

– Мы к вам с фотокором вечером подъедем. У нас до обеда еще одна встреча за городом и фотосессия в интерьерах. Как только освободимся, сразу к вам. Ждите, – проворковала госпожа Паршина и отключилась.

Получалось, что кто-то дал ей не только номер его мобильного, но и домашний адрес. А «вечерком» у нее могло начаться сразу после обеда. Так что нечего делать: нужно было готовить «интервью».

Забродов любил порядок, но не до фанатизма. Его всегда больше тревожило не столько то, где лежат вещи, сколько то, где и как стоят его книги. О своей библиотеке он всегда заботился по-настоящему.

Но после неожиданного звонка журналистки, вместо того чтобы сесть и неспешно полистать уникальное издание «Тысячи и одной ночи», ему как проклятому пришлось приводить в порядок свою холостяцкую берлогу. Ведь госпожа Паршина ясно дала понять, что они будут фотографировать не только его самого, но и его интерьеры. А ни в одном глянцевого журнале он не видел ни горы посуды в умывальнике, ни брошенных на стиральную машину грязных рубашек, ни кучи газет в прихожей. Да и пыли на фотографиях тоже не было. Конечно, можно было оставить все как есть, но тогда они еще, чего доброго, вызвали бы для уборки специальную службу. Поэтому Забродов даже вымыл окна и протер зеркала. Да, можно было попросту уехать. Но, во-первых, Забродов не любил подводить людей, пусть и нахальных, тем более женщину. А во-вторых, они все равно не отстанут. И если знают его адрес, поставят кого-нибудь дежурить у подъезда и вломятся к нему в квартиру в самый неподходящий момент.

Было множество способов отказаться. И он умел это делать профессионально. Но что-то его сбило. И теперь Забродов, не скрывая досады, понимал, что именно. Во-первых, голос редакторши был удивительно похож на голос теперь самого близкого для него человека, той самой женщины, которая терпеливо ждала его в Зареченске. И тембр, и манера говорить, и даже первое, с придыханием «Простите, что так рано...» попросту обезоружили его. И наверняка подсознательно ему захотелось увидеть женщину с удивительно похожим голосом. А во-

вторых, эта соблазнившая его на интервью акула пера дала понять, что владеет эксклюзивной информацией о его увлечениях. И тут уж сработало его профессиональное любопытство. Не мешало бы узнать, откуда она ее получила. И самое главное, как ни странно, его память упрямо подсказывала, что он уже где-то слышал фамилию Паршина. Или, может, Паршин... И с нею, этой фамилией, было связано что-то очень важное.

Илларион Забродов никогда не интересовался глянцевыми изданиями, но, как ни удивительно, с журналом «Сноб» был знаком. У него на журнальном столике даже лежала пара номеров, которые ему буквально всучили на последней книжной ярмарке.

Журнал начал выходить совсем недавно, но, судя по тиражу, претендовал на то, чтобы стать не элитарным, а популярным изданием, составив конкуренцию «Именам», «Каравану историй» и другому подобному глянцу. Читать Забродов его не читал, так, пролистал, но успел заметить, что на обложке не самодовольные лощенные лица олигархов или акул шоу-бизнеса, а репродукции классики – «Голубые танцовщицы» Дега, один из видов Фудзи Хокусая...

Корреспонденты «Сноба» встречались не только с политиками и шоуменами, но и с писателями, художниками, учеными. В рубрике «Библиомания» была информация о книжных новинках, хотя сам Забродов больше любил проверенные временем старые книги. И соблазнившая его на интервью главная редакторша «Сноба» как будто знала эту его ахиллесову пяту. Она предложила ему поговорить об одной из редких книг, которую обещала показать при встрече. До выхода на пенсию, будучи инструктором ГРУ, Илларион Забродов никак не мог быть медийной особой. Да и теперь лишний раз светиться не стоило. Хотя, в общем-то никто никаких указаний ему на счет этого не давал.

Забродов отвернул первую страницу «Сноба» и убедился, что главным редактором действительно является госпожа Паршина, Мария Паршина, Маша. Он про себя всех женщин называл по имени. Так для него было проще. Ведь в каждой женщине, сколько бы ей ни было лет и какую бы должность она ни занимала, скрывается дерзкая или стеснительная девчонка-школьница.

Теперь, подойдя к окну и наблюдая, как медленно опускается на московские улицы вечер, как стущаются душевные летние сумерки, Забродов снова и снова прокручивал в голове весь их довольно странный утренний разговор...

А ведь утро было восхитительным. Он умылся, выпил кофе, открыл настежь окно и взял в руки купленную вчера книгу, чтобы, устроившись в кресле, насладиться и вправду уникальными иллюстрациями. В этой книге даже шрифт был настоящим произведением искусства. И он не удержался, зачитался...

«Он вышел на сушу и подошел к дереву, на котором были братья, и, севши под ним, отпер сундук, и вынул из него ларец, и открыл его, и оттуда вышла молодая женщина со стройным станом, сияющая подобно светлому солнцу, как это сказал, и отлично сказал, поэт Атьгия:

*Чуть вспыхнула она во тьме, день отворил зеницы,
И чуть забрезжила она, зажегся луч денницы,
Ее сиянием полны светила на восходе,
И луны светлые при ней горят на небосводе.*

*И преклониться перед ней все сущее готово,
Когда является она без всякого покрова.*

*Когда же красота сверкнет, как вспышка
грозовая,
Влюбленные потоки слез льют не переставая...»*

Илларион Забродов чуть повернул к заглянувшему в окно солнцу иллюстрацию, на которой были изображены украшенный самоцветами ларец и вышедшая из него женщина в легких голубых одеждах, и самоцветы вспыхнули, как живые, а одежды в буквальном смысле растаяли... Он еще не успел как следует рассмотреть, как на это отреагировал изображенный чуть поодаль мужчина...

И вдруг звонок. И знакомый до дрожи голос:

– Простите, что так рано...

– Я уже давно на ногах, – бодро ответил он.

– Вас беспокоит главный редактор журнала «Сноб» госпожа Паршина...

Забродов осекся. Ведь он настроился на разговор совсем с другой женщиной. А госпожа Паршина, очевидно уловив его замешательство, сразу пошла в наступление:

– Господин Забродов, мне вас рекомендовали как опытного библиофила. У одного из наших читателей оказалось очень редкое, можно сказать, старинное издание, и мы хотим, чтобы вы его оценили, рассказали о нем...

– Но ведь я могу о нем ничего не знать... – попытался защититься Забродов и поймал себя на том, что фамилию главного редактора уже где-то слышал.

– Нет-нет, те, кто вас нам рекомендовал, уверены, что больше вас об этой книге никто не расскажет, – уверенно заявила Паршина, и Забродов опять поймал себя на том, как похож ее голос на голос совсем другой женщины, встречи с которой он, боясь самому себе признаться, так ждал сегодня.

Но госпожа Паршина все испортила.

– Мы к вам с фотокором вечером подъедем, – проворковала она тоном не допускающим отказа. – У нас еще одна встреча за городом и фотосессия в интерьерах. Как только освободимся, сразу к вам. Ждите.

И ему пришлось мыть посуду, убирать в квартире. А поскольку в быту Забродов был педантом, то, вытирая пыль, расставляя на место книги, он то и дело перелистывал их, рассматривал, вчитывался. Ведь каждая из них была путешествием в целый мир. Хорошо знакомый, чуть знакомый или новый, непознанный... Уборка затянулась до вечера. «Тысяча и одна ночь» так и осталась лежать на журнальном столике. А сейчас, в сумерках, рассматривать ее можно было уже только при электричестве.

Этим он уже вчера занимался полночи. А невысокий, все время как-то странно подмигивающий старичок, который продал ему вчера это уникальное издание, приобретенное им самим на каком-то закрытом аукционе, настоятельно советовал рассмотреть книгу при солнечном свете.

– Там на некоторых страницах высвечивается такое... – проговорил, понизив голос, старичок и опять как-то странно подмигнул и почему-то облизнулся.

Старичок этот принес книгу в букинистический магазин, но знакомая продавщица тут же позвонила Забродову. Ей показалось, что уникальная книга не может не заинтересовать их постоянного покупателя – импозантного, всегда сдержанно-обходительного седовласого мужчину. Вспомнив о продавщице букинистического магазина, которой он неделю назад на всякий случай оставил свой телефон, Забродов понял, что она-то в принципе и могла дать номер его мобильного госпоже Паршиной. В таком случае и адрес узнать не представляет труда. Забродов задумался и от греха подальше спрятал редкую книгу в верхний ящик письменного стола.

Выйдя на балкон, он увидел, что к его подъезду подкатила ярко-красная «ауди». По тому, как, притормозив, авто дернулось назад, а потом опять вперед, Забродов почему-то сразу понял, что за рулем женщина. И только покачал головой и чуть улыбнулся, когда из «ауди» действительно вышла миниатюрная темноволосая женщина в красном, в цвет своего авто, летнем костюме. Вместе с ней из машины вылез высокий лысый пожилой мужчина в светлом

костюме с солидной сумкой на плече. Мужчина чуть качнулся, на что дама, которая успела это заметить, звонко сказала:

– Опять перебрал! Я же просила тебя пить вполгорла!

По телефону ее голос был чуть мягче, но Забродов сразу понял, что это и есть госпожа Паршина и ее фотограф. Он вздохнул, включил свет в кабинете и прихожей. И как только ожил домофон, снял трубку.

– Это журнал «Сноб». Я вам утром звонила! – не дожидаясь вопроса, поспешила доложить Паршина.

– Да, я понял. Открываю, – сказал Забродов, нажимая на кнопку домофона и отпирая дверной замок.

Как только на лестничной площадке послышалось постукивание каблучков, он, не дожидаясь звонка, распахнул дверь.

– Прошу, – сказал он, пропуская в квартиру Паршину и изрядно покачивающегося мужчину.

– Здравствуйте, господин Забродов, – проговорила Паршина, осматриваясь. – Да, у вас действительно много книг. Даже в прихожей полки. Лева, – тут же обратилась она к своему спутнику, – сделай несколько снимков в прихожей.

– Обязательно, – кивнул Лева, пытаясь достать фотоаппарат.

– Может, кофе? – предложил Забродов.

– Да, и воды. Пить очень хочется, – кивнула Паршина, сбрасывая босоножки и направляясь в кабинет.

Лева послушно пошел за ней.

Когда Илларион Забродов вернулся с подносом, на котором стояли запотевшая, только из холодильника, бутылка минералки, два стакана, три чашечки и джезва с дымящимся кофе, Лева, завалившись на спинку дивана, дремал, а Паршина босая расхаживала по комнате и рассматривала книги и фотографии.

Забродов поставил поднос на журнальный столик, налил воды. Паршина выпила и, облегченно вздохнув, отбросила за спину волосы и протянула ему руку:

– Меня Маша зовут.

– Забродов, Илларион Забродов, – сказал хозяин и, наклонившись, галантно поцеловал ей руку.

Паршина чуть смутилась и достала из сумочки диктофон.

– Насколько я помню, вы обещали показать мне какую-то редкую книгу, – проговорил Забродов, с интересом поглядывая на крохотную красную дамскую сумочку, в которой, кроме портативного диктофона, могла поместиться разве что книжная миниатюрка.

Паршина покраснела и, чуть прищурившись, в упор взглянула на Забродова:

– Простите, я слукавила. У меня нет никакой редкой книги. Зато, как я знаю, редкая, очень редкая книга недавно появилась у вас. И именно о ней мы с вами будем говорить. А Лева, как только придет в себя, обязательно сделает фотки. Хорошо?

Паршина опять откинула за спину волосы, поправила челку и, приглашая Забродова присесть на диван, сама устроилась в кресле и включила диктофон.

– У меня достаточно много редких книг, – стараясь взять себя в руки, проговорил Забродов, понимая, что его провели на мякине.

Зря, конечно же, зря он не доверился своему внутреннему чувству и не отказался от интервью еще утром. Теперь приходилось взвешивать не только каждое свое слово, но и каждый взгляд и жест.

Пойти на попятную было поздно. Ведь если он даже вежливо выставит их сейчас за дверь, они найдут, как его опозорить и, укусив побольнее, засветить в прессе.

– Но эту вы приобрели только вчера, – проговорила Паршина, пододвигая диктофон поближе к Забродову. – И это не просто книга. Это редкое сувенирное издание с уникальными иллюстрациями.

Тот вздохнул и недовольно покачал головой:

– Я не знаю, какую именно книгу вы имеете в виду...

– Я имею в виду уникальное издание «Тысячи и одной ночи». Мой муж хотел купить ее. Но вы его опередили, – не скрывая обиды, добавила Паршина.

– А что, ваш муж библиофил? – спросил Забродов в ответ.

– Нет, мой муж – очень богатый человек. И он не привык ни в чем себе отказывать, – не скрывая гордости, заметила Паршина.

– Ее муж не просто богатый, ее муж ну оч-чень богатый человек! – подал пьяный голос фотокор Лева и, чуть заплетаясь, добавил: – У него фирма, нет, не то, у него компания. «Серебряные крылья» называется. Куда хочу, туда лечу...

– Это правда? Владелец авиакомпании «Серебряные крылья» Эдвард Паршин – ваш муж? – с интересом взглянув на Паршину, уточнил Забродов, наконец вспомнив, где же он слышал эту фамилию.

Та молча кивнула.

Бывший инструктор ГРУ, капитан в отставке Илларион Забродов хорошо помнил, как несколько лет назад им пришлось прошерстить на предмет переброски оружия несколько частных авиакомпаний. В «Серебряных крыльях» по документам было все чисто. Даже подозрительно, насколько все было у них там чисто...

Полковник ГРУ Мещеряков, не доверяя своим молодым помощникам, попросил тогда Забродова лично встретиться с владельцем компании Эдвардом Паршиным. Но встреча не состоялась. Забродов вынужден был экстренно вылететь на задание. А по возвращении, как он понял, эта тема была уже неактуальна, дело замяли. Но название компании и имя владельца отпечатались в его памяти, хотя он не сразу смог связать фамилию нахальной редакторши «Сноба» с владельцем частной авиакомпании.

Забродов давно заметил, что ясно помнит лишь такие факты и имена, которые еще могут ему пригодиться, особенно те, что связаны с неоконченными делами. Наверняка где-то в глубинах его памяти оставались и те, кто уже навряд ли воскреснет в настоящем времени. Но без надобности он не ворошил давние воспоминания.

Зная, что память особенно цепко хранит и потом, сбивая с мысли, совсем некстати выдает эмоционально окрашенную информацию, он приучил себя воспринимать происходящее не столько сердцем, сколько разумом. А разум его аккуратно фиксировал не то, что пережито, а то, что не доделано. Забродов старался сохранять здравый рассудок, но при этом доверяя своей интуиции. А интуиция его еще тогда подсказывала, что у этого Эдварда Паршина, который для обычного гражданского перевозчика слишком уж быстро взлетел на своих «Серебряных крыльях» в верхние строки в списке самых богатых людей России, в реальности не так все чисто, как показывают его документы. Но тогда у Забродова не было возможности довести это дело до конца. И именно поэтому фамилия Паршина зависла в его памяти.

Во всяком случае, теперь Забродов понимал, почему фамилия редакторши «Сноба» показалась ему странно знакомой и почему это подсознательно повлияло на то, что он не смог отказаться от интервью. Паршин, а значит, и его супруга были из одного из его не доведенных до логического завершения дел.

Забродов улыбнулся и заметил:

– Да, думаю, чтобы создать достойные условия для жизни такой, как вы, женщины, нужно быть богатым, очень богатым человеком.

– О! Она дорогая штука! А вредная – не передать! – опять встрял в разговор Лева.

Он постепенно приходил в себя.

– Лева, я сейчас тебя выставлю! – довольно резко одернула его Паршина и, обращаясь к Забродову, виновато улыбнулась: – Простите. Может, у вас активированный уголь или хотя бы аспирин есть? Нужно как-то привести его в чувство.

– Хорошо, сейчас посмотрю, – кивнул Забродов и уже направился на кухню, где, как у большинства, обычно стояла аптечка.

Но в прихожей он вспомнил, что утром, когда убирал, оставил аптечку в кабинете на подоконнике, и вернулся. Он точно помнил, что дверь в кабинет не закрывал. А она почему-то оказалась плотно прикрыта. Прислушавшись, Забродов с удивлением уловил абсолютно трезвый полусшепот Левы:

– На полках нет. В столе посмотри.

Как понял Забродов, его гости что-то искали, но лишь покачал головой. Он решил сделать вид, что ничего не слышал, и довести игру до конца.

Забродов нарочно закашлялся и, дав возможность гостям занять прежние позиции, вошел в комнату.

Лева полулежал на диване, Паршина стояла у одной из книжных полок и что-то рассматривала.

– Ну что, принесли таблетки? – как ни в чем не бывало спросила Паршина.

– Я вспомнил, что аптечку утром оставил здесь, в кабинете, – проговорил Забродов, подойдя к подоконнику и доставая из аптечной коробки активированный уголь.

– А запить, запить ему чем? – тут же спросила Паршина.

– Да тут минералка есть, – кивнул Забродов, наливая воду в стакан.

Он чувствовал, что гостям очень хочется еще раз выпроводить его из комнаты.

Леве пришлось выпить две таблетки активированного угля да еще икнуть, продолжая, как убедился Забродов, разыгрывать захмелевшего фотокора.

– Давайте задавайте свои вопросы, – сказал Илларион Забродов, обращаясь к Паршиной. – Времени у меня не так много. Завтра рано уезжаю.

– Надолго? – вдруг оживилась Паршина.

– Еще не знаю, – проговорил Забродов, заметив ее реакцию.

– Да, продолжим интервью, – серьезным тоном проговорила Паршина, опять включая диктофон.

– Где у вас туалет? – между тем проговорил Лева, намереваясь выйти.

– По коридору налево, – сказал Забродов, понимая, что Лева по дороге наверняка завернет в спальню.

Но книга, которой, похоже, слишком активно интересуются гости, лежала здесь, в гостиной, в письменном столе. Поэтому главное теперь было усыпить их бдительность.

– Так что именно вас интересует? – спросил Забродов, пристально глядя на Паршину.

– Как я уже вам сказала, мы будем говорить о вашем новом приобретении, уникальном издании «Тысячи и одной ночи». Мне кажется, нам проще будет беседовать, если вы покажете мне эту книгу... Где она у вас лежит? – проговорила Паршина, пытаясь заигрывать с Забродовым.

– Леве – где туалет, вам – где книга... – стараясь попасть ей в тон, покачал головой Забродов и добавил: – Неужели вы думаете, что в наше время такую ценную вещь можно хранить дома?

– А где еще? Ведь вы же ее только вчера приобрели? – не скрывая разочарования, заметила Паршина.

– Где хранят все ценные вещи? Вот где вы храните свои украшения? – продолжал вести игру Забродов.

– Как «где»? В банке, в специальном сейфе, в ячейке, – передернула плечами Паршина.

– Ну вот. А для меня самое ценное – это книги. Особенно та, которую я купил вчера. Я ее тоже храню в банковской ячейке, – заметил как ни в чем не бывало Забродов. – Так что придется нам говорить о книге без книги. Если, конечно, это вас устроит... Задавайте вопросы, а я буду на них отвечать.

– А как же фотография? Лева обязательно должен сделать для нашего журнала хорошую фотографию, – чуть капризным тоном проговорила Паршина.

– Давайте поговорим. А завтра я возьму книгу, и вы сделаете фотографию, – стараясь усыпить бдительность Паршиной, как можно спокойнее предложил Забродов.

– Хорошо, – кивнула та и спросила: – Эта книга наверняка не единственное редкое издание в вашей библиотеке? Вы все храните в банке?

– Да нет, – покачал головой Забродов, с интересом наблюдая за реакцией Паршиной.

– А услугами какого именно банка вы пользуетесь? – продолжала наступать Паршина.

– Есть такой коммерческий банк «Лот», – ответил Забродов, вспомнив первое название из тех, что в последнее время мелькали на страницах газет.

– «Лот»?! – переспросила Паршина и, бросив взгляд на фотокора Леву, как-то странно оживилась.

– «Лот»... «Лот»... плот... плут... – опять подал голос Лева и, продолжая свою игру, добавил: – Так это ж ваш Паршин там в соорудителях... соучредителях, в банковских родителях...

– Лева! Не мели чепуху! Не мешай мне делать интервью! – раздраженно одернула его Паршина.

– Все. Молчу, молчу, молчу... Тсс... – проговорил Лева, поднося палец к губам.

– Да уж, лучше помолчи, а то выставлю! – сказала Паршина и, обращаясь к Забродову, добавила: – Извините. Давайте продолжим.

– Давайте... – пожал плечами Забродов, сделав вид, что пропустил информацию о банке и господине Паршине мимо ушей.

Хотя ему было интересно, что сможет предпринять эта проворная дамочка, чтобы добыть нужную ей или ее мужу книгу. Забродов знал, что едва ли не самое интересное – наблюдать, как тот, кто только что гнался за тобой, вдруг, набирая ускорение, отправляется по ложному следу.

– Говорят, что в этом издании «Тысячи и одной ночи» какие-то необычные иллюстрации, – продолжила Паршина. – Вы не могли бы поделиться с нашими читателями, в чем именно их необычность?

– Увы, нет... – пожал плечами Забродов, окутывая журналистку внимательным мужским взглядом. – Иллюстрации качественные, стилизованные. Но ничего необычного в них я не заметил.

– Их нужно рассматривать при солнечном свете. Вы рассматривали их при солнечном свете? – чуть смутившись, проговорила Паршина, при этом сосредоточенно что-то набирая на своем телефоне.

– Нет, при солнечном свете не рассматривал, – сказал Забродов, догадавшись, что Паршина успела отправить кому-то эсэмэску.

– Ну что ж, у нас завтра, надеюсь, еще будет такая возможность, – передернула плечами Паршина и наконец, оторвав взгляд от своего телефона, взглянула на Забродова: – Чтобы не рисковать, мы можем вместе поехать в банк и прямо там сделать фотографии.

– Нет, – покачал головой Забродов. – Завтра утром я уезжаю за город.

– А когда вернетесь? – уточнила Паршина.

– Дня через три, – сказал Забродов строго, давая понять, что никакие уговоры не помогут и менять свои планы он не собирается.

Но, как ни удивительно, Паршина лишь повела головой и, думая о чем-то своем, заметила:

– Через три так через три...

Она хотела еще что-то добавить, но ее мобильник ожил.

– Простите, – кивнула Паршина и, игриво растягивая слова, сказала в трубку: – Але-е-е... Забродов прислушался.

– Алло! – ответил Паршиной довольно грубый мужской голос. – Что за эсэмэски ты мне шлешь, Киса?

– Ты что, не понял?! – возмущенно сказала Паршина. – Ты же сам хотел узнать, где она находится. А она у тебя под носом. Иди и бери.

В трубке послышался хрипловатый смех.

– Киса, я не в Москве.

– А где ты? – удивилась Паршина. – Ты же собирался в клуб.

– Ну да. А сорвался в казино.

– В казино?! – еще больше удивилась Паршина, чуть понизив голос.

– Ну да, в одном заштатном городишке...

– Далеко? – продолжала интересоваться Паршина. – Я тоже бы не против расслабиться, поиграть...

– Ну, если хочешь, позвони Грановскому, он сейчас ко мне вылетает на новом самолете. Эксклюзив, – сказал мужчина, не скрывая самодовольства. – «Эльф» называется...

– Прямо сейчас? – в задумчивости обронила Паршина.

– Не знаю. Как ему коридор дадут. Позвони и узнай...

– А как же книга?

– Давай об этом завтра. Прилетим и все решим, – сказал мужчина и добавил: – Ну, так я тебя жду! Сделай Грановского и ко мне. Ты ж у меня везучая.

– Ладно... – погрузившись в какую-то странную задумчивость, проговорила Паршина и, будто забыв о том, что рядом сидит Забродов, набрала еще один номер.

Ответили ей не сразу. Наконец послышался нервный мужской голос:

– Алло!

– Грановский, ты еще не в небе?

– Нет!

– Паршин сказал, чтобы ты меня с собой взял на этом, как там его... «Эльфе»!

– Я ожидаю, когда дадут вылет, – недовольно проговорил Грановский. – Если успеешь, возьму. Нет – без тебя полечу.

– Все, еду! – сказала Паршина и отключилась. Взглянув на вроде бы задремавшего фотокара, она оставила на столе несколько купюр и попросила Забродова: – Отправьте его на такси. Вот деньги. А мне нужно лететь. Завтра созвонимся!

– Я завтра с утра уезжаю. На три дня, – напомнил Забродов.

– Да?.. Тогда через три дня созвонимся... Через три дня... – повторила Паршина, опять впадая в какую-то странную задумчивость.

Забродов, взглянув на похрапывающего на диване фотокара, покачал головой и пошел проводить так неожиданно сорвавшуюся с места Паршину.

Уже в дверях она улыбнулась и заметила:

– Я очень рада была с вами познакомиться. Думаю, это не последняя наша встреча...

– Я тоже на это надеюсь, – кивнул Забродов, закрывая дверь.

С одной стороны, ему было досадно оттого, что, считай, повелся на голос и фамилию и сорвал себе целый день долгожданного отдыха. Но интуиция почему-то подсказывала ему, что он вот-вот может оказаться в эпицентре каких-то очень важных, значимых событий.

Оставлять фотокамера Леву до утра в своей квартире ему не хотелось. Вызвав такси, он разбудил его и, вложив в нагрудный карман рубашки оставленные Паршиной деньги, хотел проводить его до двери. Но что-то показалось ему подозрительным. Подавая фотокамеру, который продолжал изображать из себя пьяного, сумку с аппаратурой, Забродов как бы случайно дернул замок. В сумке рядом с фотоаппаратом лежала книга. То самое издание «Тысячи и одной ночи».

Было непонятно, как, когда парень успел без ключа вскрыть ящик письменного стола и переложить книгу в сумку. По тому, что действовал он стремительно, незаметно и бесшумно, Забродов понял, что имеет дело с профессионалом. На какое-то мгновение их глаза встретились. И Лева тут же попытался сделать Забродову подсечку, а затем выхватил из кармана пистолет. Забродов успел ударить его по руке и отвести выстрел. Точно рассчитанным ударом он выбил из руки Левы оружие и, скрутив его, повалил на землю.

– Да они все равно тебя достанут! – вызверился Лева. – Ты Паршина не знаешь! Он, если что захочет, из-под земли выкопает, а тебя зареет!

– Я понял, – сказал Забродов, доставая из шкафа ремень и профессиональным узлом связывая Лева за спиной руки. – Только не пойму, чего ты так стараешься. Паршину книга нужна, пусть и добывает ее.

– Да это Машка хотела ему сюрприз сделать. Она мне солидные деньги обещала, если книгу добуду, – сказал Лева. – Она тебе поверила. Решила, что ты действительно книгу в банке хранишь. А банк этот... Мужа ее этот банк. Им раз плюнуть было бы книгу из ячейки выудить... А я тебе не поверил. Я почему-то был уверен, что она у тебя дома. Вот и подцепил. Мне бы за нее и Машка, и Паршин отвалили ого-го...

– А зачем тебе деньги? – поинтересовался Забродов.

– Надо! – буркнул Лева. – Девушке своей подарок хочу сделать...

– Ладно, там внизу такси ждет, – махнул рукой Забродов. – Пистолет и книгу я у тебя изымаю. Сумку с аппаратурой до машины донесу. И руки там развяжу. Пошли, герой-любовник!

Водитель удивленно взглянул на то, как Забродов, осторожно положив на заднее сиденье сумку с аппаратурой, размотал затянутый у парня на руках ремень, но ничего не сказал.

Когда такси скрылось за поворотом, Забродов присел на лавочку и задумался. Книгу действительно стоило на эти три дня занести на хранение в банковскую ячейку. В любой банк, кроме банка «Лот». Или придумать что-нибудь понадежнее...

Глава 2

Эдвард Паршин, несмотря на то что к своим сорока пяти выглядел достаточно солидно – у него даже чуть округлился животик и появились залысины, – в своем кругу не просто богатых, а очень богатых людей слыл экстремалом. Горные лыжи, дайвинг, купание в проруби... Все это он делал напоказ, позируя перед видео- и фотокамерами. Но даже не все самые близкие его знакомые знали о его тайной страсти. Эдвард Паршин был игрок. Ничто так не повышало содержание адреналина в его крови, как игра. К картам, покеру, он пристрастился, еще будучи студентом Бауманки. А к началу девяностых, когда в Москве появились первые казино, он уже был достаточно богат и мог позволить себе не только выигрывать, но и проигрывать большие суммы денег. Завсегдатаи казино все же считали его везунчиком. И Паршин, никому не афишируя, был уверен, что ему везет потому, что с каждого выигрыша половину он, не задумываясь, отдавал на благотворительность.

Когда казино всегда было рядом, Паршин, имея достаточно сильную волю, отправлялся туда лишь после того, как заключал очередную сделку. Но зато, как говорится, отрывался по полной. «Сделал дело – гуляй смело!» – эту русскую народную пословицу выучили все его зарубежные партнеры, которых он часто тоже приглашал расслабиться в казино. Для Паршина всегда находилось местечко в ВИП-зале.

Каждый раз он выбирал для себя лишь один вид игры. Иногда делал ставки, иногда играл в покер, иногда отдавался во власть какому-нибудь «однорукому бандиту». Паршин мог забыться и зависнуть в казино на сутки. Но потом сам приходил в себя и будто выплывал из-под воды или возвращался из космоса.

В ВИП-зале всегда была возможность пообщаться со звездами шоу-бизнеса, которые не только выступали перед завсегдатаями, но и сами садились за игровой стол. Господин Паршин отлично знал, что весь шоу-бизнес с тех самых лихих девяностых цветет и пахнет благодаря доходам казино, владельцы которых щедро одаривают взошедших и восходящих звезд эстрады.

И когда дикторы телевидения с придыханием сообщали, что сама Примадонна проиграла 200 тысяч долларов, Паршин лишь качал головой и скептически хмыкал:

– Ну-ну...

Да и с женой своей будущей, Машей, Паршин познакомился в одном из московских казино. Она, тогда молодая, но очень дотошная журналистка, пришла в казино, чтобы сделать очередной репортаж о том, как игра затягивает вполне благополучных людей в трясину порока. От нечего делать он даже научил ее играть в рулетку. Ее довольно резкий, можно даже сказать, едкий репортаж имел много отзывов. Люди писали письма, просили избавить их от увеселительных заведений. А когда отдельные голоса в конце концов слились в единый дружный гул возмущения, казино в Москве закрыли. Парадокс, но Маша к тому времени с его подачи уже сама попробовала и полюбила игру и как-то незаметно стала его законной супругой.

Теперь, чтобы расслабиться и поиграть, приходилось отправляться или в одно из подпольных заведений, вход в которое был замаскирован под холодильник на кухне какого-нибудь московского кафе, или лететь вглубь России, а то и в соседнюю Беларусь. Опробовав все, Паршин решил, что выгоднее летать в Беларусь. Перелет был недолгим, и можно было использовать один из самолетов их компании. Кормили в Минске классно, народ был тихий, а тех, с кем было интересно вести игру, хватало.

Иногда, просидев за игровым столом или с «одноруким бандитом» ночь напролет, Паршин даже терялся, не сразу понимал, где он. На столе то же зеленое сукно, над столом те же светильники. Крупье в таких знакомых униформах. Вкус кофе, витающий в воздухе легкий дурманный аромат... Слева за столом московская бизнес-леди с накинутым на плечи лисьим хвостом, справа известный московский певец...

Только выйдя на улицу и окунувшись в совсем другой, не московский ритм жизни, Паршин понимал, что он не в Москве, а в Минске.

В отличие от большинства заядлых игроков, которые до сих пор более чем болезненно переживали закрытие казино в Москве, господин Паршин особо по этому поводу не напрягался. То, что в казино приходилось лететь на самолете, давало ему новый выброс адреналина. А учитывая, что бизнесмены и звезды шоу-бизнеса любили летать в казино небольшими компаниями, вне зависимости от расписания самолетов, с закрытием московских казино компания Эдварда Паршина «Серебряные крылья», которая занималась авиаперевозками, смогла значительно увеличить доходы. Теперь Паршин продумывал схему, как бы вложить часть средств в одно из минских игорных заведений или даже открыть свое собственное, чтобы, как говорится, все было в одном флаконе – и доставка, и развлечение, и, если нужно, проживание.

На одном из последних авиасалонов в Париже они даже купили новый небольшой, весьма мобильный самолет «Эльф», который, как показалось Паршину, будет весьма удобно использовать как раз для перелетов на относительно небольшие расстояния, например из Москвы в Минск. Паршин даже заключил несколько договоров с владельцами минских казино на рекламу в московских бизнес-кругах. Он брался рекламировать их заведения, дополняя их предложением об услугах своей компании.

Вчера «Эльф» прибыл из Франции. А сегодня Эдвард Паршин со своим первым заместителем Сергеем Грановским, самым сведущим из всего руководства компании в самолетном деле человеком, решили испытать машину.

С Сергеем Грановским Эдвард Паршин учился на одном курсе в Бауманке, потом они вместе начинали бизнес. Сказать, что Грановский был его другом, правой рукой, – это ничего не сказать. Паршин понимал: ему несказанно повезло, что рядом с ним есть человек, которому он мог доверять больше, чем себе. И все потому, что Сергей Грановский, высокий, худощавый, чуть нескладный светловолосый очкарик с обычно задумчивым взглядом серо-голубых, почти бесцветных глаз, был не только умен, но и сдержан. И хотя Грановский обычно составлял Паршину компанию и в горных лыжах, и в дайвинге и даже в казино с ним иногда ходил, его никогда не захлестывали эмоции. Он умел, казалось, взвешивать и продумывать каждый свой шаг. Паршин знал: если Грановский говорил «нет» или просил лучше подождать, его нужно было слушать беспрекословно. Эдвард Паршин обычно так и делал. Но сегодня, когда Грановский сказал, что не стоит поднимать в воздух «Эльф» без тщательной проверки и что, если Паршин все-таки будет настаивать на том, чтобы «Эльф» летел в Минск, он, Грановский, снимает с себя всякую ответственность, Паршин разозлился, вспылil и сказал, что сам летит с их французским партнером месье Переном на старом самолете. А ему, Грановскому, он приказывает, именно не просит, а приказывает, произвести осмотр «Эльфа» до вечера. А к ночи прилететь к ним.

– Назад я сам на «Эльфе» полечу! – сказал Паршин тоном не терпящим возражений.

Хотя был будний день, точнее, вечер, мест за игровым столом практически не было. Их французский партнер месье Перен, с которым они заключили контракт, невысокий, худощавый, почему-то постоянно отводящий куда-то в сторону взгляд молодой юркий парень, к азартным играм был практически равнодушен. В игру он вступил, ставки сделал, но явно тяготился тем, что должен сидеть и следить за игрой.

Заметив, что удача в очередной раз отвернулась от их обоих, месье Перен, который довольно неплохо говорил по-русски, вздохнув, заметил:

– Ведь вы, господин Паршин, сейчас можете проиграть все, что выиграли от нашей сделки...

– Ну и что?! – как ни в чем не бывало бросил Паршин.

– Да, теперь я понимаю, почему все говорят, что у вас, русских, понижено чувство опасности, – покачал головой Перен, поднимаясь из-за игрового стола.

– При чем тут чувство опасности?! – обиженно передернул плечами Паршин, тоже поднимаясь из-за стола. Ему никак нельзя было отпустить месье Перена. Грановский, когда звонил последний раз, предупредил, чтобы он до его прилета не напоил француза, потому что у него есть к месье Перену несколько очень серьезных вопросов.

– Да я неплохо знаю вас, русских. И много путешествовал. Я могу сравнивать... – в задумчивости произнес Перен, когда они вышли на улицу.

– Что с чем сравнивать?! – не понял Эдвард Паршин, скептически поглядывая на француза.

Он сам был среднего роста, но рядом с этим шуплым французом чувствовал себя солидным.

– Я как-то отдыхал с русскими на берегу океана. Объявили, что у берега обнаружили акулу. И несколько дней все плавали в бассейне. И только пятеро парней каждое утро устраивали заплывы за горизонт. Как вы думаете, кто они были? – спросил Перен у Паршина.

– Кто-кто... Дураки были!..

– Нет, они были русскими, – пожал плечами Перен.

– И что, месье Перен, вы хотите сказать, что сидеть за игровым столом – это то же, что плавать вместе с акулами? – спросил Паршин.

– А разве нет? Ведь нельзя без конца испытывать судьбу. Вам вначале везло. И если бы вы вовремя остановились, ушли бы из казино богатым человеком...

– Думаю, что мы с вами уйдем отсюда богатыми, даже очень богатыми людьми, – ответил Паршин, поглядывая на часы. – Подождите, вот сейчас прилетит моя жена, и все переломится в нашу сторону. Она у меня везучая. Очень везучая. У нее рука легкая.

– Прилетит? – уточнил Перен. – Вы сказали «прилетит»?

Эдвард Паршин кивнул:

– На вашем самолете должна прилететь, вместе с Грановским.

– Лучше бы они, как я предлагал, завтра утром, когда будет светло, полетели... – проговорил Перен и, вздохнув, взглянул на небо.

Сумерки сгущались, и свет фонарей не давал возможности рассмотреть, ясно или пасмурно.

– Что, боишься, француз?! – враз переходя на «ты», с вызовом выпалил Паршин.

– Не боюсь, но опасюсь... Ведь ваш пилот не очень хорошо знает машину. А наш пилот не очень хорошо знает ваше небо... – заметил месье Перен.

– Да небо везде одинаковое. Ветра нет. И видимость нормальная, – проговорил Паршин. – А проверять машину не утром, а ночью нужно. Самолетов меньше, а условия почти экстремальные. Если сейчас долетят, то я точно буду знать, что деньги на ветер не выбросил. Да и Грановский мой ас. Он все проконтролирует.

– Но ваша жена... Вы не побоялись отправить в этом испытательном самолете вашу жену? – удивился месье Перен. – И вы еще не согласны, что у русских понижено чувство опасности...

– Ну, я же не одну ее отправил, а с другом, – пожал плечами Паршин.

– Как говорят у нас во Франции, «с другом свою женщину опаснее оставлять, чем с врагом», – заметил Перен.

– Ты думаешь? – хмыкнул Паршин, но продолжить диалог не успел.

Из зарослей сирени вдруг вынырнула веселая пухленькая кудрявая блондинка и, со спины подкрадываясь к Паршину, бросила на месье Перена многозначительный взгляд, поднесла пальчик к губам, сделав знак молчать. Она чуть поднялась на цыпочки и закрыла ладонями Паршину глаза. Тот вздрогнул от неожиданности, но, понимая, что под пристальным вниманием двух его постоянно маячивших неподалеку охранников так сделает только хорошо знакомая им женщина, расслабился и проговорил:

– Марго? Откуда ты здесь? Кто тебе сказал, что я прилетел?

– Сорока на хвосте принесла... – сказала девушка и, отпустив руки, подошла к Паршину, прильнула к нему всем телом и, чуть подтянувшись, сочно поцеловала его в губы.

Эдвард Паршин обнял ее и тоже поцеловал. В отношениях с женщинами он был, как говорится, без комплексов. И его самолюбие тешило то, что Марго, эффектная и очень соблазнительная блондиночка, на виду у качков-охранников и этого худосочного, но даже по европейским меркам очень богатого француза выбрала именно его и так вот, при всех, поцеловала взасос.

Для Паршина появление Марго было полной неожиданностью. С ней он познакомился здесь, в этом минском казино, около года назад. Паршин тогда расслаблялся после очередной удачной сделки, а она, как потом призналась, пыталась выловить себе достойного жениха. Он первым попался в ее сети и, вместо того чтобы отоспаться в пятизвездочном отеле напротив, на двое суток завис у Марго на квартире. Все дело в том, что Марго удивительно была похожа на его первую школьную любовь Машу Дубровскую. Даже духи у Марго были точно такие же.

Паршин, как всякий ярко выраженный альфа-самец, воспринимал женщину не как друга или предмет обожания, а как подаренную природой тихую гавань, прекрасное средство снять стресс, расслабиться. С годами он все острее чувствовал, что ум в женщине его раздражает больше, чем потливость под мышками. А поскольку жена Паршина как раз в это время увлеклась изданием нового журнала и постоянно грузила его своими надуманными проблемами, Марго стала для него настоящим спасением. Она окончила какой-то женский институт, прекрасно владела английским и немецким и неплохо соображала, однако умела отлично это скрывать. Квартиру она снимала недалеко от казино. Там было уютно, чисто, и, главное, тихо. Голос у Марго был негромкий, какой-то обволакивающий, как сказал бы поэт, чарующий. И руки мягкими и ласковыми.

Но насладиться вдоволь обществом Марго он не смог. Он тогда улетел в Москву, и несколько месяцев у него были более чем напряженными. А в следующий свой прилет в Минск Марго он уже не нашел. Кто-то из завсегдатаев казино сообщил ему, что Марго нашла себе перспективного жениха, какого-то умеренно богатого бюргера из Германии, и укатила с ним не то в Гамбург, не то в Берлин.

И вот сейчас, когда должна прилететь его жена, Марго появилась, и появилась так некстати.

– Мне сказали, что ты вышла замуж и переехала в Германию... – чуть понизив голос, проговорил Паршин.

– Тебя правильно информировали, Эд. Так и есть, – кивнула Марго.

– А здесь ты какими судьбами?

– Да так, приехала проведать родителей. И вот, видишь, тебя встретила. Это судьба, Эд. Поехали ко мне! Я по тебе так скучала... А ты по мне? Ты вспоминал меня? – прошептала она и подняла на него свои огромные голубые глаза.

– Скучал... – кивнул Паршин вполне искренне, понимая, что больше всего на свете ему сейчас хочется остаться с Марго наедине. А отказывать себе в своих тайных желаниях он не привык.

– Ну так в чем дело? Поехали ко мне! Я теперь достаточно богата. И купила себе нашу квартиру, – сказала она с видом победительницы.

– Подожди немного... Мне тут людей нужно встретить... – в замешательстве обронил Паршин, поглядывая на француза, который тактично отошел в сторону.

– Хорошо, я подожду... – кивнула Марго, продолжая поглаживать Паршина. – Сколько скажешь, Эд, столько и подожду.

– Нет, давай мы сделаем не так... – решительно сказал Паршин и, отстранившись от Марго, подошел к французу: – Слышь, друг, выручай! Ты же француз, должен понять. Если женщина просит...

– Ну да... – кивнул Перен и уточнил: – Но что я должен делать?

– Мы сейчас на часок отскочим в одно место. А ты посиди здесь, кофе попей. Грановский прилетит, позвонит. Они знают, что я в казино, и сразу приедут сюда. Грановский и Маша, моя жена. Она у меня журналистка, журнал свой издает. В общем, поговори с ними... Скажи, что у меня здесь сделка одна нарисовалась и я позже приеду...

– Это кто, твой деловой партнер? – спросил Перен, хитро прижмурившись и тоже переходя на «ты».

– Ну, что-то вроде того.

– Вроде того... – покачал головой месье Перен и добавил: – Хорошо, я все сделаю.

– Я твой должник! – кивнул Паршин и, тяжело вздохнув, посмотрел на охранников, которые не спускали с него и Марго внимательных взглядов.

– Алексей! – позвал он высокого широкоплечего блондина. – Поедешь с нами. А Роман пусть за французом присмотрит. Ну а потом жена моя еще должна прилететь.

– Слушаюсь, босс, – кивнул Алексей и, вернувшись к Роману, что-то ему сказал.

– Что, ты этого амбала с собой потащишь? – недовольно буркнула Марго.

– Так положено, детка. Он нас, то есть меня, в машине подождет...

– Ну, как знаешь!

– А когда они должны прилететь? Они уже вылетели? – спросил месье Перен.

Но Эдвард Паршин только неопределенно махнул рукой. Марго опять привсталала на цыпочки и поцеловала его в губы, и он больше ни о чем не мог думать. Сейчас ему хотелось поскорей уединиться, сбросить наконец с себя этот надоевший костюм и утонуть в женских объятиях. Самое главное, что Марго не будет ни о чем его просить, не будет ни о чем расспрашивать. Они просто вместе окунутся в то, что называется страстью. В любви, как и в бизнесе, Паршин был ненасытен.

Когда он только познакомился со своей будущей женой, Машей, они целовались прямо на улице, и ему страшно нравилось, что, казалось бы, приличная девушка, журналистка, готова отдаться ему даже на лавочке в парке. Она в буквальном смысле таяла, растекалась в его руках, как масло. И это его возбуждало, а главное, тешило самолюбие. Несколько раз на отдыхе на Мальдивах, на берегу океана, у них было что-то подобное. Но теперь Маша была так занята своим журналом, что голова ее, казалось, не отключалась даже в оргазме, если, конечно, она его не имитировала. Да и наскучила она ему, наскучила... А Марго просто обволакивала обещанием неземного, райского блаженства. В ее руках он сам готов был растаять. И не было никаких сил оказывать сопротивление. Марго знала, что главное ее оружие – груди. Не силиконовые, а реальные, четвертого размера. И теперь стоило ей пару раз припасть к нему своим телом, как Паршин сразу вспомнил их упругость и реально пропал.

Он пришел в себя уже в постели, когда понял, точнее, почувствовал, что от него ждут ответных действий. Сегодня Марго была почему-то не в настроении доводить его до экстаза. Лаская, целуя, помогла раздеться и, прикрыв глаза, улеглась на спину.

Все закончилось сладкой истомой, и Паршин понял, что больше всего ему хочется сейчас ни о чем не думать, а уснуть, здесь, сейчас, в объятиях этой сегодня тихой и податливой, как глина, блондиночки. И опять он не смог себе в этом отказать. Он уснул, забыв и о самолете, и о французе, которого оставил в казино, и о водителе-охраннике, который ждал его внизу.

Марго, очевидно, предусмотрительно выключила его мобильный. А ожидавший внизу Алексей привык ко всему. Когда роман с Марго только начинался, ему уже приходилось несколько раз ночевать в машине. В общем, впервые за последнее время Паршин смог как следует выспаться.

Проснулся он, когда было уже светло, и не сразу понял, где он. Марго, свернувшись калачиком, мирно посапывала рядом, простыня лишь слегка прикрывала ее все состоящее из округлостей тело, и во сне она выглядела еще соблазнительнее.

Его взгляд, наверное, был слишком красноречив. Марго шевельнулась и, потянувшись, открыла глаза.

– Ну что, Котя, повторим?! – прошептала она.

Что-то в ее тоне Паршина неприятно резануло, и он, вместо того чтобы осуществить свое первое тайное желание, недовольно проворчал:

– Я же просил тебя не называть меня Котей...

– Ладно, – ответила Марго и, сбросив простыню, еще раз потянулась.

Паршин понял, что не сможет противостоять голосу плоти, и уже потянулся к Марго. Но та, продолжая его удивлять, вместо того чтобы ответить ему, взяла с тумбочки пульт и зачем-то включила телевизор. Паршин недовольно поморщился, хотел забрать у нее пульт и выключить телевизор. Но, взглянув на экран, едва не вскрикнул. Он сразу узнал их самолет, точнее, то, что от него осталось.

Голос диктора за кадром не оставлял никаких сомнений:

– Сегодня около часа ночи неподалеку от Минска потерпел крушение самолет одной из частных российских компаний. Есть погибшие. Причины аварии выясняются.

Марго, включив телевизор, успела выйти из комнаты, но Паршин этого даже не заметил. Диктор в студии уже зачитывал следующие новости о предстоящем визите. Кого и куда – Паршин не понял. Он вообще слабо осознавал все, что видел и слышал. Слишком неожиданным было сообщение о крушении самолета. Еще минуту пробыв в полной прострации, Паршин пришел в себя, натянул одежду, обул туфли, которые валялись тут же у постели, взял с тумбочки мобильный, но, подумав, не стал его сразу включать.

В ванной шумела вода. Марго как ни в чем не бывало принимала душ и что-то мурлыкала.

Паршин на минуту задумался, потом махнул рукой и, ничего не сказав, вышел из квартиры. Не дожидаясь лифта, пешком спустился вниз. Его новенький лоснящийся на солнышке «лексус» стоял у подъезда. Алексей приспустил стекло и говорил с кем-то по телефону. Заметив выходящего из подъезда Паршина, он прервал разговор и, окинув Паршина каким-то тревожным, сочувствующим взглядом, сказал:

– Доброе утро, Эдвард Васильевич!

Паршин молча кивнул и, вздохнув, сел на переднее сиденье, погромче включил радио. Передавали какую-то грустную музыку. Нужно было куда-то ехать. А он понятия не имел куда. Француз, этот юркий месье Перен, вряд ли всю ночь ожидал его в казино. Наверняка был уже в отеле. Знает он или нет об аварии – неизвестно. Главное, чтобы сейчас он не исчез. Ведь документы еще не подписаны. Значит, ответственность за аварию целиком и полностью лежит на нем. Хотя отвечать придется им обоим.

– Куда едем, босс? – спросил Алексей, заводя машину.

– В отель, – кивнул Паршин.

В новостях почему-то не указали точное место падения и количество жертв. Фраза «Есть жертвы» оставляла шанс, что кто-то все-таки выжил. Паршин вдруг понял, что он даже точно не знает, сколько человек летело на самолете. Два летчика – наш и французский, и его, Паршина, лучший друг, можно сказать правая рука и голова, Грановский. И еще его, Паршина, жена Маша, которая, правда, не отзвонилась, а потому неизвестно, успела ли она на этот самолет. А еще, едва ли не самое главное, на этом самолете собирался прилететь в Минск сам Протасов, один из влиятельнейших российских олигархов. Он забронировал себе номер на неделю и летел сюда не только расслабиться, но и встретиться с кем-то из зарубежных партнеров. На парижском салоне он сам хотел приобрести себе этот самолет, но Паршин его опередил. И тогда Протасов заявил французам, что готов оплатить изготовление машины на заказ. Он, конечно,

собирался использовать «Эльфа» не для перевозок, а сугубо в личных целях. Поэтому месье Перен сам предложил ему несколько модифицировать самолет и, главное, сделать более комфортным, а точнее, шикарным салон. Так, чтобы в полете можно было и отдыхать, и вести переговоры. Паршин про себя сразу отметил, что ему месье Перен ничего подобного не предлагал. У француза был просто-таки нюх на деньги и на тех, кто может себе позволить ими сорить. И если Паршин все, что зарабатывал, старался вложить в дело, Протасов уже дошел до той стадии, когда изрядную часть можно потратить на себя любимого. Он, с подачи месье Перена, сам напросился полететь в Минск на «Эльфе», чтобы оценить машину, как говорится, в деле.

– Что-то случилось? – спросил Алексей, когда они отъехали от дома Марго. – Вы прямо сам не свой.

– Еще не знаю, – покачал головой Паршин, достал мобильный и перезвонил сначала Грановскому, потом Маше, потом Перену. Все они были недоступны.

На мгновение задумавшись, Паршин взял смартфон, вышел в Интернет и попытался найти информацию о потерпевшем крушение под Минском самолете.

К сожалению, ничего нового он не нашел. Количество жертв не уточнялось. Единственное, что несколько успокоило Паршина, – это то, что упал самолет в безлюдном месте.

Всякий другой в этой ситуации больше всего переживал бы из-за гибели жены и друга. Но Паршин, сам себе боясь в этом признаться, прежде всего тревожился из-за страховки. Он попросту не успел застраховать самолет. И теперь вместе с машиной сгорели все выложенные за нее деньги. А если он не найдет сейчас месье Перена, то его затаскают по судам.

– За нами хвост, – как-то совсем некстати сказал Алексей, резко притормозив.

– Что? – переспросил Паршин.

– Я говорю, что за нами хвост. Вишневая «ауди». Я ее заметил еще во дворе, у подъезда того дома, где вы были. Мне даже показалось, что, когда вы вышли, сидящий за рулем пацан сделал несколько снимков... – не скрывая тревоги, продолжил Алексей.

– И что это значит? – спросил Паршин, наконец осознав смысл сказанного.

– Значит, что вами здесь кто-то весьма активно интересуется.

– И что тебе подсказывает твоя интуиция? – спросил Паршин, зная, как иногда точно Алексей умеет просчитывать события. – Кто так активно может мной интересоваться?

– Учитывая, что вы были у женщины, это или ваша жена, или ее муж... – пожал плечами Алексей, продолжая следить за вишневой «ауди», которая обогнала их и тоже притормозила.

– А ты-то откуда знаешь о муже? – удивился Паршин.

– Мой профессиональный долг знать даже чуть больше, чем знаете вы.

– Понятно... – растерянно проговорил Паршин и напомнил: – Но нам не мешало бы поскорее добраться до отеля.

– Знаю. Судя по тому, что слежка вас не очень напрягла, вы уже знаете об аварии? – спросил Алексей, в упор взглянув на Паршина.

– Так ты знал?! И делал вид, что...

– Я же сказал вам, что моя профессия требует знать чуть больше, чем вы... – перебил его Алексей. – Только вот кто точно был на борту, кто погиб, а кто остался жив, не скажу, не знаю.

– Я тоже...

– А насчет слежки... – заметил Алексей. – Я уверен, эта «ауди» от нас не отстанет. И я выбью у отеля из этого хренова папарацци, кто его нанял. Вы мне дайте добро?

– Делай как знаешь... – махнул рукой Паршин.

– На том самолете должен был быть ваш друг Грановский? – понимающе проговорил Алексей.

– Там могла быть и Маша... – вздохнул Паршин.

– Маша? Какая Маша?! – спросил Алексей, притормозив у отеля.

– Моя жена Маша...

– Ваша жена Маша... – эхом повторил Алексей, заметно бледнея.

– И страховка... – вздохнул Паршин, – страховку я не оформил.

Алексей вышел из машины, открыл дверцу, проводил Паршина в отель. Там внизу уже ждал второй охранник, Константин.

Алексей пожал ему руку, а сам быстро вернулся назад на улицу.

Водитель вишневой «ауди» вышел из машины и говорил с кем-то по телефону.

Эдвард Паршин удивленно проводил Алексея взглядом и, обращаясь ко второму охраннику, поинтересовался:

– Где этот месье Перен?!

– В номере. Отдыхает, – как ни в чем не бывало ответил Константин.

– Пошли к нему, – сказал Паршин, направляясь к лифту.

– Но месье Перен просил его не будить... – заметил Константин.

– Неважно, теперь все неважно... – произнес Паршин, заходя в лифт.

Константину ничего не оставалось, как пойти за ним.

Дверь номера месье Перена была закрыта. На стук никто не отозвался. Паршин перезвонил ему по мобильному, еще раз постучал. Потом прислушался. Из номера доносились голоса.

– Это телевизор, – со знанием дела заметил Константин. – Месье Перен как-то говорил, что не может уснуть без телевизора.

Паршин постучал громче.

– Месье Перен просил его не беспокоить, – строго сказала возникшая у них за спиной служащая отеля, высокая строгая женщина в очках.

– Госпожа Маликова, – сказал Паршин, прочитав фамилию служащей на бейджике, – произошла авария. Самолет разбился. И нам нужно срочно сообщить об этом месье Перену. Если он еще здесь. Поэтому, будьте так любезны, откройте его номер.

С этими словами Паршин протянул женщине пятидесятидолларовую купюру.

– Нет, ну что вы... Это форс-мажор. И я... Это мой долг... – засмутилась женщина, но в конце концов взяла деньги и отперла дверь.

Первым в номер вошел Константин.

Паршин еще с порога окликнул француза:

– Месье Перен, вы здесь?!

В комнате действительно звучал телевизор. Передавали рекламу какого-то шампуня.

Константин, Паршин, а за ними и дежурная по этажу вошли в комнату и в буквальном смысле застыли от ужаса. На расстеленной кровати лежал голый мужчина с изуродованным до неузнаваемости лицом. У постели валялись разбитая бутылка и, похоже, выпавший из руки мужчины пистолет. Запах свежей крови смешивался с приторно сладким и в то же время терпким запахом дорогого парфюма.

– Это господин Перен? – отвернувшись, спросила дежурная.

Паршин кивнул и, чувствуя, что его вот-вот вырвет, выскочил в коридор.

Константин, окинув помещение профессиональным взглядом, покачал головой и, буркнув себе под нос: «Не понял...», вышел вслед за Паршиным.

Дежурная, которую тоже, похоже, начало подташнивать, уже в коридоре проговорила:

– Я вызову милицию...

– Полицию! – нервно поправил ее Паршин.

– Это у вас в России полиция. А у нас милиция! – твердо заметила женщина и, подойдя к своему столу, сняла телефонную трубку. Прежде чем звонить, строго предупредила Паршина и Константина: – Только вы не уходите. У меня смена кончается. Вы будете главными свидетелями.

– Я буду у себя в номере, – сказал Паршин.

– А какой у вас номер? – поспешила уточнить дежурная.

– Сорок пятый, этажом выше, – ответил за Паршина Константин.

Дежурная, явно недовольная тем, что мужчины поспешили ретироваться, крикнула вслед:

– Я дам милиции ваши координаты!

Эдвард Паршин, несмотря на то что занимался серьезным бизнесом, впервые так близко увидел труп. Он пересмотрел бесчисленное количество боевиков и триллеров, где обезображенные трупы были едва ли не главными действующими лицами. Но вот так реально увидеть мертвое тело... Уже поднимаясь по лестнице, Паршин понял, что этот тошнотворный сладковатый запах буквально преследует его. Ему хотелось поскорее добраться до номера и как следует вымыть руки, лицо, принять душ... Даже вид обезображенного тела не так угнетал его, как этот запах.

Но стоило ему повернуть ключ в замке, как Константин, который был уже рядом, отстранил его и первым вошел в номер.

– Постойте, здесь кто-то есть, – сказал он, переступая порог.

– Это я, не бойтесь, входите! – послышался из комнаты голос Алексея.

Паршин от неожиданности вздрогнул, а Константин проворчал:

– Не понял...

Константин прошел в комнату, а Эдвард Паршин поспешил запереть дверь и направился в туалет, где его все-таки вытошнило. Уже намыливая руки, он понял, что там, в том номере, где был покойник, пахло не парфюмом, а этим мылом, сладковатым, чуть терпким. Именно этот запах соединялся с запахом крови. Паршин взглянул в зеркало и сам себя не узнал. Его бледное лицо до сих пор было искажено ужасом. Он покачал головой и начал усиленно смывать с рук мыльную пену. Но как только плеснул воду на лицо, едва удержался, чтобы его опять не вывернуло наизнанку.

Наконец Паршин выключил воду и, уже вытирая лицо и руки, ясно услышал доносящийся из комнаты стон, а потом крик.

Открывая дверь ванной, он подумал, что в комнате он увидит ту же картину, которая только что так потрясла его в номере у француза.

Но в его номере на полу корчился от боли незнакомый парень в измазанной кровью майке и джинсах. А над ним, как два ворона, парили его громилы – вполне приличный с виду блондин Алексей и лысый качок Константин.

Присмотревшись, Паршин понял, что это парень из вишневой «ауди», который зачем-то следил за ним.

– Ну вот... – сказал Алексей с чувством удовлетворения. – Познакомьтесь. Это сотрудник местного частного детективного агентства. Он утверждает, что понятия не имеет, кто заказал ему следить за Марго и за всеми, кто с ней будет встречаться.

– Я не понимаю, чего вы добиваетесь! – корчась от боли, проговорил парень. – Я делаю снимки и сразу посылаю их по Интернету. Я уже все послал на адрес. Кроме адреса, я вам ничего дать не могу.

– Адрес я уже записал, – сказал Алексей. – Если нужно будет, мы пробьем его.

– Так он не за мной, а за Марго следил? – уточнил Паршин.

– Сколько вам повторять! Да, да, да! Вы попали в поле зрения только потому, что связались с Марго! – выкрикнул парень.

– Вы узнали, в каком агентстве он работает? – спросил Паршин.

– Да, я записал, – кивнул Алексей. – Скорее всего, его нанял кто-то из родственников или знакомых Марго, и ваша жена здесь действительно ни при чем...

– Моя жена... Моя жена... Ей теперь все равно... Ей теперь, может, всё все равно... – проговорил Паршин и окинул всех каким-то потерянным взглядом. Потом вдруг достал из кармана мобильник, взглянул на время и, отыскав пульт, включил телевизор.

Начинались новости. На экране вновь показали горящие обломки их самолета. Диктор опять повторил ту же информацию о падении под Минском самолета одной из московских компаний. А потом добавил:

– Как нам только что сообщили, самолет был недавно куплен на французском авиасалоне и совершал свой первый рейс. Среди погибших два пилота – один из них гражданин России, а второй – гражданин Франции. Личности еще трех или двух пассажиров уточняются.

– Вы думаете, там летела ваша жена, Маша? – спросил Алексей, не скрывая тревоги.

– Да... Да... Она собиралась прилететь... – пробормотал Паршин, закусив губы.

– Развяжите меня, я хочу в туалет... – простонал папарацци.

– Эдвард Васильевич, что нам с ним делать? – спросил Алексей.

– Да отпустите вы его! Пусть катится на все четыре стороны. У нас есть о чем думать! – сказал Паршин, не отрываясь от экрана.

Но диктор уже перешел к следующим новостям.

Развязав парня, Алексей проводил его в туалет, подождал, пока тот умоется, и вывел в коридор. Но не успел он вернуться и запереть изнутри дверь, как послышался резкий, настойчивый стук, а потом хриплый мужской голос:

– Откройте, милиция!

– Ну вот, началось... – вздохнул Алексей.

– Открывай, все равно не отстанут, – сказал Константин, выходя в коридор.

Паршин же, бледнея все больше и больше, сел в кресло и начал один за другим набирать номера Грановского, потом Маши, потом месье Перена.

Неожиданно его телефон ожил. Пришла эсэмэска. Паршин с надеждой вывел ее на экран, где высветилось: «Игра только начинается. Привет от “Дракона”». Номер, с которого она пришла, был ему незнаком.

Глава 3

Полковник ГРУ Мещеряков в последнее время все чаще ловил себя на том, что по-доброму завидует ментам, которых переименовали в полицейских. Им всегда можно было заявить, что преступление нельзя раскрыть, для таких случаев даже был предусмотрен процент раскрываемости. У них в ГРУ «висяков» и «глухарей» не могло быть в принципе. И когда рано утром в воскресенье его разбудил генерал Громов и сообщил о том, что по пути в Минск погиб их агент, французский летчик, который выполнял какое-то очень важное секретное задание, полковник Мещеряков понял, что его отдых окончен. Обычно такую информацию по телефону не сообщают. И если генерал сделал это, значит, он хотел сразу убить двух зайцев. С одной стороны, дать задание Мещерякову, а с другой – проверить, кто еще из сотрудников в связи с этим активизируется. На днях генерал Громов остановил его у входа в их контору, забрал у него и передал своему помощнику его мобильный и предупредил, что кто-то усердно ловит все их переговоры. Так что в этом случае генерал, скорее всего, надеялся зацепить два дела: и последствия авиакатастрофы под Минском взять под пристальный контроль, и «крота» выследить. Так или иначе, и одно и другое дело он должен был довести до логического конца.

Уже через полчаса полковник Мещеряков был в своем кабинете, а еще через двадцать минут туда вошли вызванные дежурным его помощники. Одного, старшего лейтенанта Карпова, полковник Мещеряков озадачил сбором информации в Интернете. Необходимо было выявить весь круг лиц, которые тем или иным образом были связаны с трагедией. Другого, капитана Красикова, он отправил на место падения самолета. Ни Карпову, ни Красикову полковник Мещеряков не уточнял, почему ГРУ заинтересовалось именно этой трагедией, и даже не выделил имя французского пилота. То, что этот молодой человек был агентом ГРУ, и после его гибели должно было оставаться государственной тайной.

Помощникам предстояло выяснить, во-первых, не была ли гибель самолета спланированным актом, во-вторых, действительно ли погибли именно те, кто есть в списках. Ведь бывают ситуации, когда ради получения или доставки важной информации агенты вынуждены идти на крайнюю меру и инсценировать собственную смерть.

Сначала полковник Мещеряков хотел ехать на место трагедии сам. Но он понимал, что там он мало что узнает. Местные стражи порядка всегда неохотно делятся с представителями других, пусть и смежных, ведомств свежей, еще не обработанной информацией. Придется тратить время и нервы на согласования, встречи, ничего не значащие разговоры.

За годы кабинетной работы в ГРУ полковник Мещеряков выработал свою вполне плодотворную методику изучения подобных экстремальных ситуаций. Пока его помощники собирали для него информацию, он пытался и, как правило, узнавал самое существенное о том человеке, в данном случае агенте, который был главным действующим лицом в деле. И потом это существенное удивительным образом начинало действовать, как магнит притягивая из всей добытой помощниками информации лишь необходимые для работы факты.

Генерал Громов знал или догадывался об этом. И сам перезвонил и предложил встретиться.

– Куда мне подъехать? – уточнил полковник Мещеряков, понимая, что генерал Громов, скорее всего, сейчас за городом и навряд ли появится на службе раньше понедельника.

– Я в городе. Сейчас буду у себя в кабинете. Подожди в приемной, – оговорил генерал Громов, давая понять, что дело это на особом государственном контроле.

Перед тем как идти к генералу, полковник Мещеряков связался со старшим лейтенантом Карповым. Тот дал точную информацию о времени и месте падения самолета «Эльф». Относительно небольшая, компактная машина была приобретена на одном из последних авиасалонов во Франции компанией «Серебряные крылья», которая принадлежит Паршину Эдварду Васи-

левичу и занимается авиаперевозками. Сопровождали машину в Россию некто месье Перен, который должен был вместе с господином Паршиным встречать самолет в Минске, и французский пилот Мишель Миро. Мишель Миро инструктировал во время перелета Павла Мишина, который был за штурвалом. Месье Перен сегодня утром был найден мертвым в одном из номеров минского отеля.

На самолете в Минск летели также друг и соратник Паршина Сергей Дмитриевич Грановский, видный российский олигарх, который тоже интересуется самолетами, Виктор Петрович Протасов и, скорее всего, его охранник, точнее, охранница. Данные о ней уточняются. В последнее время Протасов нанимал охранников через одну фирму и часто ради экономии на консумации просил охранника-женщину. Протасов летел в Минск на какие-то важные для него переговоры с кем-то из своих партнеров не то из Арабских Эмиратов, не то из Сирии.

– А Паршин почему не полетел на этом «Эльфе»? – уточнил полковник Мещеряков.

– Как я узнал, Паршин собирался лететь на нем назад в Москву, – сказал старший лейтенант Карпов и, упреждая следующий вопрос, добавил: – Паршин прилетел раньше, вместе с месье Переном, и весь вечер просидел в одном из минских казино. Ушел оттуда с некой мадам Марго. Данные о ней мне должны сейчас передать.

– После аварии все тела удалось опознать? – спросил полковник Мещеряков.

– Капитан Красиков на связь не выходил. По последним данным, опознаны Протасов, Грановский, Мишин. О французе и женщине сведений пока нет, – четко отрапортовал Карпов.

– Ладно. Спасибо, – бросил Мещеряков. – Если будет новая информация, связывайся немедленно.

– Есть, товарищ полковник, – ответил Карпов и отключился.

В приемной генерала Громова, как в обычный будний день, сидел секретарь – молодой и очень серьезный лейтенант Котов, которого по правде многие побаивались не меньше, чем генерала Громова.

– Громов у себя? – спросил полковник Мещеряков.

– Так точно, – тут же вскочив из-за стола, кивнул лейтенант Котов и добавил: – Генерал вас ждет. Сейчас доложу.

Он постучал и, аккуратно приоткрыв дверь, вошел и звучно объявил:

– Товарищ генерал, к вам полковник Мещеряков!

– Пусть войдет, – раздался знакомый, чуть хриловатый голос.

Полковник Мещеряков уже сделал шаг к двери, но лейтенант Котов его остановил.

– Оставьте мне ваш мобильный, – попросил он сухо.

Отдавая аппарат лейтенанту, Мещеряков понял, что разговор будет серьезный и Громов наверняка только что приглашал к себе «эпидемстанцию» и выводил «жучков».

За плечами генерала Громова, как и полковника Мещерякова, были серьезные боевые задания в горячих точках, поэтому они всегда понимали друг друга с полуслова. И самое главное, доверяли друг другу. В последнее время в ГРУ появилось много молодых, весьма образованных, отлично владеющих несколькими иностранными языками и умеющих мгновенно выуживать из Интернета нужную информацию сотрудников. Но они, не нюхавшие порошу, были другими. И полковник Мещеряков предпочитал не раскрывать перед ними все карты. Он был убежден, что невоевавший мужик – то же, что нерожавшая баба. Ему самому, как и генералу Громову, в мирное время пришлось хлебнуть войны выше крыши.

В выходившем на солнечную сторону кабинете генерала Громова распахнутые настежь окна были занавешены шторами, но все равно было достаточно жарко и душно.

Генерал Громов, невысокий, крепко сбитый, с седыми, коротко стриженными волосами и всегда острым, немного резким взглядом ярко-голубых глаз, нервно вытер лоб носовым платком и, выходя из-за стола, пожал полковнику Мещерякову руку.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – сказал полковник Мещеряков.

– Уже здоровались, – ответил генерал и деловым тоном заметил: – Не будем тратить время на пустые разговоры.

Он возвратился на свое место и кивком указал Мещерякову на стул:

– Присаживайся, полковник.

– Спасибо, – ответил Мещеряков, прикидывая, стоит ли грузить сейчас генерала Громова последней информацией.

Тот, словно прочитав его мысли, проговорил:

– Я знаю, ты, Мещеряков, работаешь оперативно. И уверен, что твои люди уже нарыли информацию по самолету. Ты сам ее обмозгуй, чтобы выудить главное. А у меня времени в обрез. Но ты должен знать все или почти все, что у нас есть на этого агента. Чтобы твои пацаны чего не нахомутали лишнего. Ты же их, надеюсь, контролируешь жестко?

– По ситуации... – пожал плечами Мещеряков, который всегда предпочитал на первом этапе сбора информации лишний раз никого не дергать. Ведь никогда не угадаешь, какой факт в итоге вдруг может оказаться определяющим.

– Ладно. Это твои дела, – махнул рукой Громов. – А теперь то, что касается этого месье. Как и кто его внедрял в нужную для нас и не только для нас сферу – неважно. И даже на какие разведки он работал или все еще работает, тоже не имеет значения. Твоя задача – узнать, действительно ли погиб наш агент.

– По моим сведениям, – перебил его Мещеряков, – в этой аварии никто не выжил.

– Полковник, ты отлично понимаешь, что этого Мишеля Миро попросту могло не быть на борту. Он вполне мог в последний момент послать вместо себя другого инструктора. Авария могла быть случайностью, а могла и вполне спланированным актом. Там под видом Миро мог находиться совсем другой человек. Я навел справки. Из тех, кто летел в «Эльфе», Мишеля Миро, скорее всего, никто из летевших и не знал.

– Вы хотите сказать, что инструктировать в полете нашего летчика мог случайный человек?! – осознавая всю серьезность того, что могло произойти, уточнил Мещеряков.

– Это все вам необходимо выяснить. Вплоть до генетической экспертизы останков. Но сделать это нужно под грифом абсолютной секретности. Для всех Мишель Миро должен полюбому считаться погибшим, – предупредил Громов.

– Сложно, но вполне возможно, учитывая, что, как мне сообщили, на данный момент имеются останки двух неопознанных тел, – проговорил Мещеряков в задумчивости. Он понимал, что капитан Красиков должен будет доставить в Москву фрагменты неопознанных трупов, а уже здесь они будут проводить экспертизу. Однако местные вполне могут заупрямиться и не дать согласия на вывоз нужного для них материала.

– Ну, ты знаешь, что нужно делать, – сказал Громов и добавил: – Я перезвонил нашим коллегам. Вам будет оказана всесторонняя поддержка. Твои люди могут действовать так, как посчитают нужным.

– Спасибо, – кивнул Мещеряков и внимательно посмотрел на Громова.

Тот вздохнул и продолжил:

– Теперь о главном. Мишель Миро занимается ближневосточной проблемой.

– Вы говорите «занимается», – заметил Мещеряков. – Значит, вы уверены, что французский летчик жив?

– Лучше, чтобы он был жив. Иначе нам самим придется выполнять его работу. Там в связи со всеми этими событиями ищут пути поставки оружия. Ближний Восток будет полыхать, пока хотя бы одна из сторон не перестанет получать оружие и продовольствие. А пока что оружие получают и те и другие. Из разных источников, но систематически. Мишель Миро, как ты уже понял, – наш агент. Но он работал не столько на нас, сколько на разведку одного из зарубежных государств. И выяснение путей поставки оружия на Ближний Восток, а точнее, в Сирию – это задание внешней разведки одного из европейских государств. Возможно, этот

Мишель Миро под видом доверенного лица какой-нибудь из сторон должен был связаться с кем-то из наших поставщиков, чтобы наконец нащупать линию поставки оружия. Но это лишь мои догадки. Нам важно сейчас узнать, жив он или нет. И кем была спланирована, если она была спланирована, эта авария, – сказал Громов.

– Да, но если вы говорите, что под видом инструктора полетел непрофессионал, а наш летчик наверняка не очень хорошо знал новую машину, авария могла произойти из-за некомпетентности пилотов, – высказал свою версию Мещеряков. Он никогда не любил накручивать обстановку.

– Возможно... Вполне возможно... – в задумчивости проговорил Громов и, враз сменив тон, по-деловому добавил: – Вот это тоже предстоит тебе выяснить. Ну а когда будут получены данные экспертизы и мы точно будем знать, погиб или нет этот француз, тогда будем разрабатывать дальнейшую стратегию.

– А вы уверены, что агентом является или являлся именно летчик? – уточнил Мещеряков.

Генерал Громов лишь кивнул. Хотя Мещеряков понимал, что если уж генерал пошел на то, чтобы рассекретить этого Миро, то знает о нем наверняка.

– Фотографии его тебе не показываю, – продолжал Громов. – Внешность, да и документы, как настоящий профессионал, он меняет мастерски. Единственное, что нам нужно знать, – это то, жив он или нет. Если жив – обязательно выйдет на связь. А если нет, придется искать ему замену. И не забывай, Мещеряков, сегодня Ближний Восток – это пороховая бочка. А вокруг нее, правда, пока что на приличном расстоянии, стоят те, кто думает, как бы там пожить. И стоит кого-то из этих факелоносцев подтолкнуть, и последствия будут непредсказуемы...

– Да уже и наша пресса всю печатает возможные сценарии третьей мировой... – покачал головой Мещеряков.

– Знаешь, Мещеряков, – проговорил Громов, в упор взглянув на полковника, – мне почему-то кажется, что, пока мы с тобой еще на службе, война не начнется. Во всяком случае, третья мировая.

– Свежо предание... – вздохнул Мещеряков.

– Ты задание слышал? Выполняй! – строго, даже сурово сказал Громов, поднимаясь из-за стола и давая понять Мещерякову, что разговор окончен.

Тот тоже строго кивнул головой и по-военному четко ответил:

– Есть выполнять.

Генерал Громов пожал ему на прощание руку, и полковник Мещеряков уловил в его взгляде тревогу.

Уже выйдя из кабинета, Мещеряков вспомнил, как утром в одной из валявшихся на даче газет он вдруг зацепился глазом за карты, на которых были показаны возможные сценарии третьей мировой. Израиль атакует Иран, Иран отвечает. Сначала с использованием ВВС и ВМФ. А когда Израиль наносит по Ирану ядерный удар, в конфликт вступает Пакистан и наносит ядерный удар по Израилю. Индия поддерживает Израиль, Китай – Пакистан и Иран. Можно представить, сколько потребуется оружия, инструкторов, самолетов для их переброски и так далее... Хотя, по последним сведениям, и теперь уже оружия в этих всех странах более чем достаточно. Это ведь самый прибыльный бизнес. И с начала девяностых, а возможно, и раньше оружие стекло туда – на самолетах, пароходах, поездах и машинах. Сколько нуворишей поднялось именно на оружии, и в России в том числе! Можно было бы, конечно, все эти сценарии и предсказания воспринимать как происки желтой прессы. Но слишком уж правдоподобно выглядела создававшаяся ситуация. А если еще принять во внимание, что каждую из сторон возможного конфликта и сейчас систематически снабжают оружием, картина выглядела настораживающе. Если кто-то активно вооружается, ему обязательно захочется пострелять... Да и что греха таить, тем, кто поставляет оружие, лучше, чтобы его задействовали и попросили еще...

Полковник Мещеряков неплохо знал историю, и поэтому был уверен, что всякий глобальный конфликт – это прекрасный способ выйти из финансового кризиса как отдельным бизнесменам и компаниям, так и целым странам. Прежде чем заговорят пушки, где-то шуршат деньги. Хорошие деньги...

Вернувшись в свой кабинет, Мещеряков хотел прежде всего позвонить капитану Красикову, чтобы озадачить его срочной доставкой в Москву фрагментов двух неопознанных тел. То, что тел было два, позволяло завуалировать, к кому именно из погибших особо пристальное внимание. Но Мещерякова опередил звонок по внутреннему телефону генерала Громова.

– Отбой, – сказал Громов довольно бодро. – Все в порядке. Но твоя и твоих людей помощь мне потребуется. Так что будь на связи и жди дальнейших указаний.

Мещеряков по его тону догадался, что агент жив и дал о себе знать, скорее всего отзвонился. И при этом он понимал, что переспрашивать и уточнять, так ли это, было рискованно даже по внутренней связи. Поэтому он лишь коротко ответил:

– Есть ждать дальнейших указаний.

Наверное, можно было вообще спустить дело о падении самолета на тормозах, сказать капитану Красикову и старшему лейтенанту Карпову «отбой». Пусть расследованием занимается местная милиция. Но, во-первых, Мещеряков свято соблюдал одно из главных правил разведчика: «никогда не делать резких движений». Ведь иногда повышенный интерес к какому-то событию или человеку не так привлекает внимание, как резкая утрата интереса. И во-вторых, проблема, которой озадачил его генерал Громов, состояла из двух: узнать, есть ли среди погибших агент и не была ли эта авария подстроена кем-то ради того, чтобы его убрать.

И самое главное, своим намеком на то, что наш агент, присланный, надо понимать, из одной из европейских стран, занимается изучением путей поставки оружия на Ближний Восток, генерал Громов задел полковника Мещерякова за живое. Ведь получалось, что они где-то что-то недосмотрели, проморгали. Поэтому Мещеряков решил внимательно изучить все, что связано с этой аварией, и всех людей, которые тем или иным образом причастны и к покупке самолета, и к тому, что с ним произошло.

Молодые сотрудники ГРУ, образованные, виртуозно владеющие всеми новейшими технологиями, как заметил Мещеряков, не очень охотно занимались так называемой полевой работой, когда нужно было встретиться, поговорить с людьми, аккуратно организовать и провести наружное наблюдение, иногда часами просиживая или еще лучше пролеживая под видом пьяного бомжа у какого-нибудь мусорного бака, куда должны были опустить важные сведения. Старший лейтенант Карпов как-то прямо ему заявил: «Копаться в мусорном баке, когда двадцать первый век на дворе, – это нонсенс. Теперь все может сделать техника. Если хорошо организовать дело, выслеживать противника можно из своего кабинета». И теперь, придя к нему с докладом, старший лейтенант Карпов светился так, будто только что один обезвредил террористический отряд. Ясное дело, он никуда не выезжал и, хотя был выходной день, смог добыть максимум информации. Если бы дело оставалось на контроле у Громова, Мещеряков обязательно послал бы кого-то из опытных сотрудников проверить ее достоверность. Но поскольку дело теперь оставалось лишь в его компетенции, можно было не спешить и вообще не привлекать к нему лишних людей.

Старший лейтенант Карпов успел не только собрать информацию, но и систематизировать, распечатать. Когда он только пришел работать в их отдел, он пробовал приходить на доклад с ноутбуком, а то и флэшкой, демонстрируя на установленном на стене в кабинете полковника плазменном экране не только фотографии, но и составленные им логические цепочки, схемы и тому подобное. Но Мещеряков, рискуя прослыть среди молодежи ретроградом, попросил Карпова набирать и распечатывать все на бумаге.

– Написанное остается, – заметил он.

Молодые, хотя между собой, возможно, и поминали его недобрым словом, теперь привыкли, что полковнику нужны не картинки на экране, а распечатанная на принтере информация.

И теперь, вместо того чтобы попросту переслать все сведения на компьютер Мещерякову, Карпов стоял перед ним с папкой.

– Давай, старлей, садись и докладывай, – кивнул Мещеряков, забирая у Карпова папку.

– Я там все написал, – заметил Карпов.

– Нет, давай все по форме, – покачал головой Мещеряков и добавил: – Очки забыл.

На самом деле он достаточно хорошо видел и без очков, но знал, что, если будет воспринимать информацию и на слух и на глаз, сможет легче и продуктивнее ее осмыслить. Никакая техника не заменит живого человеческого общения. Даже если собеседник по неопытности выскажет абсолютную глупость, это может спровоцировать рождение весьма оригинальной версии. Так или иначе, Карпов, который, очевидно, рассчитывал надолго в кабинете у Мещерякова не засиживаться, понял, что завис здесь основательно и его выходной пропал бесповоротно. Поэтому он недовольно пожал плечами и вздохнул. Единственное, что его утешало, – это то, что ему не пришлось, как капитану Красикову, лететь на место аварии, бродить среди обгоревших, разлагающихся на летней жаре останков и беседовать с рыдающими родственниками. Главное теперь было повернуть дело так, чтобы полковнику Мещерякову не пришлось в голову и его тоже командировать в помощь капитану Красикову.

– Я слушаю! – строго сказал Мещеряков, прерывая затянувшуюся паузу.

– Самолет «Эльф» – одна из последних разработок французских авиаконструкторов. Эдвард Васильевич Паршин, владелец одной из крупнейших российских авиакомпаний «Серебряные крылья», приобрел его месяц назад на авиасалоне во Франции. В Россию вместе с летчиком Мишелем Миро прилетел для окончательного расчета с Паршиным месье Перен. Паршин, как вы, очевидно, знаете, – один из богатейших в России людей. Он совладелец нескольких компаний, входит в правление двух крупнейших коммерческих банков, в том числе банка «Лот». Это все я расписал для вас достаточно подробно. Но, насколько я понял, самолеты – это особое его увлечение. Даже, можно сказать, страсть. Он в свое время окончил Бауманку и в самолетах разбирается. «Серебряные крылья» занимаются перевозкой пассажиров и грузоперевозками. В последнее время после закрытия московских казино стали популярными вояжи в Минск, где есть весьма пристойные игорные заведения...

– Разве игорные заведения могут быть пристойными? – не скрывая иронии, спросил Мещеряков.

– Да... – слегка смутился Карпов. – Но я имел в виду, что они отвечают европейским, мировым стандартам.

– Сам, что ли, проверял? – продолжал иронизировать Мещеряков, почувствовав, что его тон слегка сбил спесь со старлея.

– Рассказывали... – краснея, проговорил Карпов и продолжил уже спокойнее и, похоже, взвешивая каждое слово: – Паршин с месье Переном прилетели в Минск накануне. И, как говорится, зависли в одном из казино. Название там указано. Потом Паршин уехал вместе с одной своей старой знакомой. Марго...

– Проституткой? Любовницей? – уточнил Мещеряков.

– Ну, раньше гражданка Маргарита Константиновна Липкина действительно занималась проституцией. Но теперь она вышла замуж и является гражданкой Германии. Ее муж, крупный бизнесмен господин Крафт, занимался авиаперевозками. Но теперь, как мне удалось узнать, он продал свой бизнес. Паршин уехал вместе с госпожой Крафт, то есть Марго, и пробыл с ней до утра.

– А месье Перен? – спросил Мещеряков.

– Месье Перен из казино вскоре вернулся в отель...

– Старлей, и откуда у тебя такие подробные данные? – поинтересовался Мещеряков, прикидывая, можно ли доверять источникам, из которых Карпов получил информацию.

– Наши белорусские коллеги аккуратно работают, – пожал плечами Карпов. – Мне вообще кажется, что они культивируют казино для того, чтобы держать под колпаком не только своих, но и соседских акул бизнеса, всех потенциальных преступников.

– Понятно, – удовлетворенно кивнул Мещеряков. Кому-кому, а своим белорусским коллегам он доверял. И по-доброму позавидовал Карпову, который, не выходя из кабинета, смог добыть столько информации.

– Но утром месье Перен был найден в своем номере убитым, – добавил Карпов. – Сейчас наши коллеги занимаются расследованием этого дела.

– То есть ты хочешь сказать, что месье Перен мертв? – уточнил Мещеряков.

– Ну да... – подтвердил Карпов.

– Это странно... Более чем странно... – покачал головой Мещеряков и поинтересовался: – А наших коллег это не навело ни на какие мысли?

– Они делились со мной информацией, а не мыслями, – заметил Карпов.

– По Интернету? – прищурился Мещеряков.

Старший лейтенант Карпов, начиная нервничать, кивнул.

– Ну вот, видишь, – заметил Мещеряков, – а при личном общении можно было бы обсудить возможные версии...

– По Интернету тоже можно обсудить версии. Или по телефону, если вам так привычнее...

– Да не будет с тобой никто по телефону делиться никакими версиями! – махнул рукой Мещеряков.

– Что касается погибших, – продолжил Карпов, понимая, что в любую минуту Мещеряков может отправить его в Минск, – то на данный момент опознаны тела Виктора Петровича Протасова, Сергея Дмитриевича Грановского, летчика Павла Львовича Мишина. Два тела до последнего времени были не опознаны. Но теперь появились сведения, что погиб французский летчик Мишель Миро, который инструктировал полет. Еще в самолете находилась женщина. Ее тело не опознано. Проводится дополнительная экспертиза. Ожидают приезда на место авиарии господина Паршина. Он утверждает, что в самолете должна была находиться его жена. А у наших коллег есть сведения, что это Протасов взял с собой какую-то девушку из фирмы эскортслужб.

– Спасибо, – кивнул Мещеряков и добавил: – Женщины интересуют нас постольку-поскольку... Хотя и они могли быть втянуты в интересующую нас историю. Свяжешься с капитаном Красиковым, попросишь, чтобы держал нас в курсе. И по возможности информируйте меня не только о результатах, но и о направлениях расследования, которые проводят наши коллеги. Да, вот еще... Пусть перешлет фрагменты неопознанных останков.

– Слушаюсь, – кивнул Карпов, поднимаясь из-за стола. – Если выполню все, я могу быть свободен?

– На сегодня да, – подтвердил Мещеряков, вытирая пот со лба. – Сегодня можешь поехать поплавать. Еще успеешь. Но если что-то экстренное, сразу ставь меня в известность.

– Я понял, – не скрывая радости, сказал Карпов, покидая кабинет полковника Мещерякова.

Полковник Мещеряков хотел тоже вызвать шофера и вернуться на дачу. Вечер обещал быть тихим и теплым. И ему также не терпелось поскорее добраться до озера и окунуться, поплавать. В принципе, можно было не спешить. Ведь генерал Громов ясно дал понять, что ему теперь ни к чему никакие дополнительные расследования. Но Мещерякова эта история заинтриговала, и ему совсем не хотелось останавливаться на полдороге. Правда, использовать для дальнейшей разработки штатных сотрудников ГРУ не получится. Ведь если генерал Гро-

мов сказал «Отбой!», значит, так и должно быть. Никаких лишних телодвижений в сторону пропавшего агента.

Информацию, которую ему добудут капитан Красиков и старший лейтенант Карпов, он и сам сможет осмыслить и сделать кое-какие выводы. А для дальнейшей разработки, если заниматься ею, не поставив в известность генерала Громова, придется привлечь кого-нибудь из бывших сотрудников. И у Мещерякова даже были на этот счет кое-какие мысли. Если кто-то из российских бизнесменов действительно занимался и, по всей видимости, теперь занимается поставками оружия на Ближний Восток, не хотелось бы, чтобы этот канал поставок был перекрыт чужими руками. Ведь если пилот-агент, как он понял из слов генерала Громова, остался жив, значит, он будет заниматься изучением путей поставок оружия, и за рубежом о местных «воротилах» могут узнать раньше, чем у них в конторе. А кто знает, кому именно поставляли оружие местные горе-бизнесмены? Спрашивать будут с них, точнее даже, с него, полковника Мещерякова, так как именно их отдел занимался в свое время теми, кто продает оружие. Жаль, что многие дельные сотрудники ушли в отставку. Хотя полковник Мещеряков точно знал, что бывших сотрудников ГРУ не бывает.

Глава 4

Илларион Забродов понимал, что нувориши, особенно российские, не привыкли себе ни в чем отказывать. И если этот авиамагнат Паршин действительно пожелал заполучить уникальную книгу, он наверняка не отступится. Так что если не он сам, то его люди не дадут покоя.

Уезжая за город, оставлять книгу дома было рискованно, но и нести ее в выходной день с самого утра в банк было тоже небезопасно. У настоящих, по-богатому оплаченных злодеев найдется минимум десяток способов, чтобы извлечь ее из банковской ячейки. Нужно было придумать что-то неординарное. Забродов очень любил русскую поговорку «Утро вечера мудренее». И в этот раз она тоже его не подвела.

Отъезжая рано утром, еще затемно, за город, он упаковал книгу в картонную коробку из-под печенья, завернул в оберточную бумагу, положил в обычный целлофановый пакет и позвонил своему соседу по лестничной площадке – пожилому почтенному господину по фамилии Грановский.

Поселился он здесь недавно, но почему-то сразу решил поближе познакомиться с Забродовым и пригласил его на чай. Дмитрий Палыч Грановский, седой, слегка лысоватый, в очках, с аккуратно подстриженной профессорской бородкой, оказался бывшим проректором одного из технических вузов и к тому же заядлым шахматистом. И Забродова он пригласил к себе, как скоро стало понятно, с явной перспективой играть по вечерам в шахматы. Пока что, правда, сыграли они всего пару партий. Одну выиграл Грановский, вторая окончилась, можно считать, вничью. За игрой Грановский, который и дома ходил не в спортивном, а в отглаженном выходном костюме и светлой рубашке, успел рассказать, что у него есть сын, который, по его словам, занимается какими-то секретными разработками в авиации и заработал отцу, как выражался сам Грановский, на «двухкомнатный рай». Правда, сын остался жить с женой и маленьким сыном в бывшей отцовской, профессорской то ли четырех-, то ли пятикомнатной квартире. Но Грановский был не в обиде.

Как ни нахваливал сосед своего сына, Забродов так ни разу его и не видел. А вот невестка Грановского Ева, милая, чуть полноватая, голубоглазая молоденькая блондинка аккуратно приезжала по два раза в неделю. Убиралась, стирала, готовила и по всяким хозяйственным мелочам по-соседски несколько раз даже заглядывала к Забродову. Однажды забыла ключи и, поскольку Грановский как раз куда-то вышел, попросила передать ему пакет с провизией.

В общем, когда Забродов позвонил Грановскому и, войдя в квартиру, отдал на хранение пакет, тот ничего не стал расспрашивать, а просто с готовностью забрал его и положил на верхнюю полку шкафа в спальне. То, что Забродов появился к нему ни свет ни заря, его ничуть не удивило. Как всех стариков, его мучила бессонница, просыпался он обычно даже летом затемно.

– Я человек более чем пожилой. Если со мною что-то случится, вы сыну моему или невестке Еве скажете, они вам вернут пакет, – проговорил Грановский строго.

И когда через три дня, вернувшись домой, Илларион Забродов позвонил в соседнюю квартиру, дверь ему открыла одетая в черное невестка Грановского Ева. Он сразу подумал, что старик его, увы, не дождался.

Однако не успел он высказать соболезнования, как в прихожей появился сам Грановский, тоже в траурной черной рубашке. Ничего не сказав, он нырнул в дальнюю комнату и вернулся с пакетом.

– Не дай Бог вам пережить своих детей... – промолвил Грановский, передавая Иллариону Забродову пакет, потом тяжело вздохнул и заплакал.

Поскольку кроме сына у Грановского детей не было, Илларион Забродов понял, что какая-то беда случилась именно с ним.

Поговорить, правда, они не успели. Входная дверь распахнулась, и в квартиру влетела вся затянутая в черный шелк, с ажурной черной шалью на голове и огромным букетом темно-красных роз не кто иная, как госпожа Паршина.

Правда, она, скользнув взглядом по лицам присутствующих, сделала вид, что Забродов, у которого всего пару дней тому она брала интервью, ей не знаком. Или действительно его не заметила и не узнала. Она бросилась Еве на шею, и они зарыдали.

В квартиру начали заходить мужчины в кожанках, черных костюмах и черных рубашках. В прихожей запахло дорогим парфюмом и кожей.

Илларион Забродов спросил у Грановского, нужна ли его помощь, но тот как-то сразу и резко покрутил головой:

– Нет-нет. Они сами.

Возвратившись домой, Илларион Забродов спрятал пакет с книгой в ящик стола, а сам подошел к окну. У подъезда, как он и предполагал, стояло несколько весьма представительных авто. Невестке соседа Еве Паршина и еще какой-то высокий строгий мужчина, похоже охранник, помогли устроиться в черном джипе.

Паршина села с ней рядом на заднее сиденье. А вот соседа, Грановского, Забродов почему-то не заметил. Хотя было странно, что отец, пусть и в преклонном возрасте, не поехал на похороны сына.

Забродов дождался, пока все машины отъехали, и направился на кухню. Вместо обычного утреннего кофе он решил заварить себе чаю и отоспаться после ночной рыбалки. Особых планов на день у него не было, дела могли подождать. Но едва он включил воду, как в коридоре раздался звонок. Взглянув в глазок, Илларион Забродов с удивлением увидел Грановского. Он был без пиджака, в наполовину расстегнутой черной рубашке, растрепан, бледен и как-то странно дрожал. В руках он держал ярко-синюю папку.

– Дмитрий Палыч, дорогой, вам нехорошо?! – с тревогой проговорил Забродов, пропуская его в квартиру.

– Нет-нет, Ларик, все в порядке... все в порядке... – проговорил Грановский, прижимая папку к груди.

Забродову даже нравилось, что кто-то, как в детстве, называет его Лариком.

– Проходите, я как раз воду поставил. Угощу вас чаем или кофе... – предложил Забродов. Но Грановский покачал головой:

– Нет-нет, милейший... Там у меня Митя. Внук. Он уснул, но, когда проснется, может испугаться. Я к вам на минуточку... Вы должны мне помочь...

– Конечно, – кивнул Забродов. – Что именно для вас я могу сделать?

– Вот, спрячьте эту папку, – решительно сказал Грановский. – Мой сын... Он погиб. А его жена, Ева, вы ее знаете, привезла мне вот эту папку. Мой сын, Сергей... Перед отлетом он передал эту папку своей жене, Еве, и сказал, что если с ним что-нибудь случится... Чтобы она берегла эту папку, что в ней какие-то очень важные документы. И она может получить за них огромные деньги. Но самое главное, эта папка – гарантия нашей безопасности. Ева привезла эту папку мне. Но я подумал, что, если она стоит больших денег, значит, вполне возможно, за ней станут охотиться. И вот решил... Вы же, судя по выправке, человек военный. У вас эти документы будут в безопасности. А у меня теперь Митя. Он проснется, и я вас с ним познакомлю. У меня удивительно смысленный внук...

Забродов взял папку и пожал плечами:

– Не волнуйтесь, Дмитрий Палыч. Все будет хорошо.

– Да, вот еще что... Пока здесь эти похороны, суэта... – добавил Грановский. – Не говорите Еве, что папка теперь у вас. Мало ли что... Пусть она думает, что я ее спрятал у себя.

– Как скажете, – пожал плечами Забродов, понимая, что чем меньше людей будет знать о местонахождении ценных документов, тем больше вероятность, что они останутся в сохранности.

После того как Грановский ушел, Забродов, подумав, решил от греха подальше спрятать папку вместе с раритетным изданием «Тысячи и одной ночи» в один из своих специально оборудованных за книжными полками тайников.

Сначала он аккуратно снял с полки стоящие в два ряда несколько томов собрания сочинений Достоевского, потом нажал на едва заметную, похожую на шляпку гвоздя кнопку. Оборудованный в стене сейф запирался на кодовый замок. Набрав нужное сочетание цифр, Забродов спрятал папку и книгу в сейф, закрыл дверцу, набрал нужные цифры и поставил книги Достоевского на место.

Конечно, правильнее было бы все-таки поинтересоваться, что за документы находятся в папке, но Забродов так устал, что почувствовал, как у него начинают слипаться глаза.

Окна в комнате были занавешены шторами, Илларион Забродов прилег на диван и не заметил, как задремал. Точнее, он сразу провалился в глубокий сон. За годы службы он научился засыпать крепко и глубоко, поэтому снов практически никогда не видел. А может, они просто не фиксировались в его памяти. Уметь глубоко засыпать было одним из условий полевой службы. Только так можно было быстро восстановить силы. Но в этот раз Забродов проспал минимум пару часов и проснулся от нескольких резких, коротких, почему-то прерывистых звонков в дверь. Кто-то быстро нажимал на кнопку и тут же отпускал. Забродов почему-то вспомнил, что именно так звонили, когда баловались, дети, подсаживая друг друга, и убежали потом вниз по лестнице. Но теперь звонки повторялись.

Взглянув в глазок, Забродов сразу понял, в чем дело. На площадке стоял невысокий растрепанный белоголовый мальчишка лет десяти, босой и в пижаме. Одной рукой, приподнимаясь на цыпочки, он с трудом дотягивался до кнопки звонка, а другой придерживал слишком большие для него очки. Дверь расположенной напротив соседской квартиры, где жил Грановский, была распахнута настежь.

Илларион Забродов открыл дверь и сразу подхватил мальчишку на руки. Тот, очевидно, как и все дети, умел с одного взгляда отличить хорошего человека, поэтому не стал сопротивляться, обхватил Забродова за шею и тихо заплакал. А потом вдруг встрепенулся и еле слышно произнес:

– Там дед. Умер, наверное...

Илларион Забродов уже догадался, что это и есть внук Грановского Митя, которого на время похорон отца оставили с дедом. Но с пожилым человеком, очевидно, что-то случилось, и мальчик, не одеваясь, выскочил на площадку.

Забродов, прижимая мальчика к себе, положил в карман джинсов ключи от квартиры и, захлопнув дверь, направился к соседу.

Дмитрий Палыч Грановский лежал прямо в прихожей. В руках у него была телефонная трубка. Очевидно, он хотел куда-то позвонить. Забродов включил в прихожей свет и хотел поставить мальчика на пол, но тот вцепился в него мертвой хваткой.

– Митя, – как можно спокойнее проговорил Забродов, – надень тапочки, а я попробую помочь дедушке.

– Вы что, сможете его оживить? – с надеждой спросил мальчик, послушно слезая на пол и надевая тапочки.

Забродов ничего не сказал. Дмитрий Палыч, как ему показалось, не дышал, но он попытался нащупать пульс. За годы службы в экстремальных условиях Забродову приходилось сталкиваться с разным. Случалось, людей действительно возвращали с того света. Даже медики иногда раньше времени констатировали смерть. Здесь каждая минута была дорога. И Забродов достал из кармана джинсов мобильный и набрал номер «Скорой помощи». Зная, что к

мертвецу они не поедут, Забродов сообщил, что пожилому человеку стало плохо и он потерял сознание.

Еще раз прослушав у старика пульс, теперь уже не на руке, а на шее, Забродов взял лежащее на полочке маленькое зеркальце и поднес его к лицу Грановского. Зеркальце чуть запотело. Это давало надежду на то, что Грановский еще жив.

Митя стоял рядом и переминался с ноги на ногу.

– Деда полицию хотел вызвать... – вдруг произнес Митя.

– Что? Что ты сказал? – не сразу понял Забродов.

– Я в своей комнате спал, – сказал мальчик, едва сдерживая волнение. – Я спал. А к нам воры залезли. И деда закричал, что милицию сейчас вызовет. А они испугались и убежали. А деда упал. Я когда из своей комнаты выбежал, он уже упал. Но я тоже молодец! Я успел тревожную кнопку нажать! На моем мобильнике есть тревожная кнопка. Я ее нажал, и сейчас мама приедет! Я бы ее дождался, но испугался, что деда умер, а воры вернуться и меня тоже убьют...

Илларион Забродов осмотрелся, заглянул в комнату и только теперь отметил: действительно, было похоже на то, что здесь что-то искали. На полу были разбросаны какие-то бумаги, книги... И совсем некстати работал телевизор.

– Папа! Папа! – вдруг закричал Митя, подбегая к экрану. – Это мой папа! – с гордостью повторил он, очевидно не осознав того, о чем говорили с экрана.

Забродов прислушался.

– По последним сведениям, в самолете находилось пять человек. Из них опознаны четыре человека. Один – гражданин Франции, пилот Мишель Миро, который инструктировал полет. На борту были также известный московский бизнесмен Виктор Петрович Протасов и один из руководителей занимающейся авиаперевозками компании «Серебряные крылья», которая и купила самолет «Эльф» на последнем авиасалоне во Франции, Сергей Дмитриевич Грановский. Они летели в Минск с частным визитом. За штурвалом был российский летчик Павел Львович Мишин. Останки пятого пассажира не опознаны. Поступившие к нам ранее сведения о том, что это была жена генерального директора компании «Серебряные крылья» Эдварда Васильевича Паршина Мария Ивановна Паршина, не подтвердились. Причины аварии под Минском выясняются. Работает следственная группа. По предварительной версии, пилот не справился с управлением. Хотя, вполне возможно, человеческий фактор не был главной причиной аварии.

После показанных вначале фотографий на экране появились кадры оперативной съемки с места аварии. Митя, который буквально прилип к экрану, увидев обгоревшие части самолета и, очевидно, в конце концов разобравшись, что случилось, вдруг закричал:

– Нет!

Илларион Забродов опять подхватил его на руки и прижал к себе. Две трагедии для такого маленького и, похоже, более чем восприимчивого мальчика было слишком.

Медики приехали вместе с полицией, которую, очевидно, после тревожного звонка сына вызвала Ева Грановская. Она открыла дверь своим ключом и буквально застыла на пороге.

Митя, очевидно испугавшись строгих, сосредоточенных людей в полицейской форме и белых халатах, вместо того чтобы броситься к матери, еще сильнее прижался к груди Забродова и только прошептал:

– Мама...

Было похоже, что у него от испуга просто пропал голос. Ева первой пришла в себя и бросилась к сыну. Она взяла его за руку и, всхлипывая, спросила:

– Митя, Митенька, что здесь случилось?

Мальчик, буквально вцепившись в Забродова, молчал. И тогда Ева Грановская уже другим, строгим, сухим голосом обратилась к Забродову:

– Что здесь произошло?!

– Митя говорит, что воры, – проговорил Забродов.

– Они что, его убили?! – с ужасом отозвалась Грановская.

– Сейчас... – почти шепотом проговорил Забродов, кивнув в сторону медиков, которые колдовали над стариком.

Медсестра уже делала ему укол.

– Жив? – с тревогой спросил Забродов.

– Мы его забираем, – строго сказал молодой врач и, вызвав санитаров с носилками, уточнил: – Родственники кто?

– Мы, мы родственники. Мама и я родственники! – вдруг отозвался Митя, слезая с рук.

– Вы с нами поедете? – обратился врач к Еве Грановской.

Та молча кивнула.

– И я. Я с дедой поеду! – закричал Митя и гордо добавил: – Я тоже родственник.

– Простите, вы побудете с ним еще немного? – сказала Ева, с надеждой взглянув на Забродова. – Я скоро вернусь.

– Но, хозяйка, нам нужно задать вам несколько вопросов! – вклинился в разговор один из полицейских.

– Я не хозяйка, – покачала головой Грановская и, взглянув на Забродова, добавила: – Вот у него спросите. Он сосед. Он больше знает.

– Я, я больше знаю! – с готовностью отозвался Митя.

– Хорошо, мы опросим свидетелей! – гордо произнес второй полицейский.

Осмотр квартиры ничего нового не дал. Полицейские, очевидно, куда-то спешили, потому что, взглянув на часы, один из них, помоложе, протянул Забродову визитку и попросил: – Вы за мальчиком присмотрите. А мать его пусть завтра нам позвонит.

Забродов молча кивнул.

– Пойдемте к вам. Я тут боюсь, – проговорил Митя чуть слышно.

– Да-да, конечно... – кивнул Забродов и взглянул на крючок у входа, где обычно Грановский оставлял ключи.

Митя перехватил его взгляд и достал из кармана связку:

– Вот, они на полу валялись. Я, когда к вам шел, поднял. Наверное, воры обронули.

Забродов проверил. Действительно, два ключа из связки подходили к входному замку. Захлопнув дверь, они вернулись к Забродову.

Илларион отнес мальчика на кухню, усадил за стол, укрыл пледом, напоил чаем, и тот сразу начал клевать носом.

Забродов отнес его в комнату и уложил на диван. Свет он решил на всякий случай не выключать, чтобы мальчик, если проснется, не испугался. А сам решил вернуться в квартиру Грановского. Ему почему-то казалось: что-то они недосмотрели, не заметили какую-то очень важную улику. Выходя из дому, он, подумав, на всякий случай положил в карман джинсов пистолет. Если в квартире Грановского что-то искали и не нашли, эти люди обязательно вернутся.

Открыв ключом квартиру Грановского и еще не включив в прихожей свет, Забродов принюхался. Когда у человека блокируются одни органы чувств, резко обостряются другие. В данном случае его обоняние уловило какой-то резкий пряный запах, на который он не обратил раньше внимания. Включив свет и присев на корточки, Забродов понял, что запах исходит из-под стоящей в углу этажерки. На полу были видны несколько капель, а под этажерку к самой стене закатилась пустая ампула с отломанным горлышком. Забродов покачал головой и достал из кармана носовой платок. Конечно, это могла быть ампула из-под лекарства, которое вкололи старику медики «Скорой помощи». Но обычно они аккуратно обходятся с ампулами. А вот

если это лекарство держали в руках те, кто приходил в квартиру, на ампуле могли остаться отпечатки их пальцев.

Завернув ампулу в носовой платок, Забродов еще раз внимательно осмотрел пол в прихожей, потом прошел в комнату, на кухню, но больше ничего интересного не обнаружил.

Когда Забродов подошел к входной двери и хотел уже повернуть замок, кто-то начал вставлять ключ с другой стороны.

Забродов выключил свет, отошел за угол и приготовил пистолет. Но Ева Грановская, а это была она, расслышав, что в прихожей кто-то есть, испугалась больше, чем Забродов.

– Это я, – как можно спокойнее проговорил он и включил свет. – Не бойтесь.

– Где Митя?! – тут же выкрикнула она.

– У меня. Не волнуйтесь. Он спит, – сказал Забродов.

– А вы почему здесь? Что вы тут делаете?! – возмутилась Грановская.

– Я приходил проверить, все ли здесь выключено. Свет, газ, вода... – пожал плечами Илларион Забродов. Ему почему-то совсем не хотелось ставить Еву Грановскую в известность, что он обнаружил ампулу.

– Я, кажется, догадываюсь, что здесь искали... И не знаю, нашли ли. И я сейчас вряд ли найду... Пока Дмитрий Палыч не придет в себя, ничего здесь без него не найти... – не скрывая раздражения, бросила Ева Грановская, нервно прохаживаясь по квартире, выдвигая то один, то другой ящик и перекладывая сваленные на столе папки.

– А как там Дмитрий Палыч? Пришел в себя? – поинтересовался Забродов.

– Плохо... Врачи сказали, что ему, скорее всего, что-то вкололи. Но они не знают, что именно. И поэтому не могут найти, как и чем нейтрализовать яд или опасное для его здоровья лекарство. Они дали мне телефон и просили позвонить, если мы вдруг обнаружим здесь бутылочку или ампулу.

– В таком случае я, кажется, могу вам помочь, – сказал Забродов.

– Вы что-то нашли?! – загорелась Грановская.

– Да, – кивнул Забродов. – Но на ампуле могут быть отпечатки пальцев, поэтому я завернул ее в носовой платок. Пусть полицейские снимут отпечатки, если они там, конечно, есть... Если нужно позвонить, продиктовать название лекарства, лучше я это сделаю сам.

– Хорошо, – кивнула Ева Грановская, набирая номер на мобильнике. – Я сейчас дам вам трубку, а вы продиктуете название.

– И кто это будет? Кому я буду диктовать название лекарства? – уточнил Забродов.

– Это врач, Иванов, он сейчас дежурит, – прикрыв трубку и чуть понизив голос, проговорила Грановская.

Через некоторое время в трубке послышался недовольный хриловатый мужской голос:

– Слушают вас!

– Господин Иванов? – уточнил Забродов.

– Да, говорите быстрее. У меня больной.

– Мы нашли ампулу из-под лекарства, которое ввели Грановскому. Диктую...

Забродов прочитал название лекарства, на что доктор Иванов сказал:

– Я так и думал. Мы сделаем все возможное...

– Дайте, дайте мне поговорить! – попросила Грановская, но доктор Иванов уже отключился.

– Может, нам все-таки подъехать к ним? – спросила Ева.

– Думаю, что вашему сыну, Мите, вы сейчас нужнее, – сказал Забродов и, вздохнув, добавил: – Да и вам самой не мешало бы отдохнуть...

– Да. Да, вы правы, но... – замялась Грановская. – Я боюсь здесь находиться. И к себе домой боюсь. Можно, я тоже у вас переночую?

– Не вопрос, – пожал плечами Забродов, – пойдете. Думаю, больше мы здесь ничего не найдем.

– Нет-нет, подождите, – остановила его Грановская, окидывая квартиру нервным взглядом, – мне кое-что нужно забрать... Если она еще здесь.

Она прошла в комнату и, выдвигая ящики стола, начала перекладывать книги и папки.

– Я, кажется, знаю, что вы ищете... – сказал Забродов как можно спокойнее.

– Вы?! – удивленно и немного возмущенно воскликнула Ева.

– Не волнуйтесь. Дмитрий Палыч надежно спрятал то, что вы ему дали...

– Вы знаете? Он вам говорил, куда положил папку с документами? – волнуясь, наступала Ева.

– Нет, – твердо сказал Забродов, понимая, что в квартире Грановского неожиданные гости могли оставить «жучки», а на ночь глядя подставлять себя да еще женщину с ребенком ему совсем не хотелось. – Он мне сказал, что вы ему отдали на хранение документы и что он их надежно спрятал. Где точно, знает только он. Но что не дома, это точно. Подождем, пока он придет в себя. Тогда и скажет.

– А если он вообще не придет в себя?! – испуганно произнесла Грановская.

– Пойдемте ко мне. Вам обязательно нужно выспаться... – сказал Забродов, с сочувствием взглянув на Грановскую, которая выглядела совсем измученной. – Утро вечера мудренее.

– А вы точно уверены, что документы не здесь?! – переспросила Грановская.

– Точно, – кивнул Забродов. – Он сам мне сказал, что унес их от греха подальше.

– Но почему же он мне ничего не сказал?! – покачала головой Ева Грановская.

– Может, не успел, – пожал плечами Забродов и повторил: – Пойдемте. Пойдемте ко мне. У вас был очень трудный день. Вам обязательно нужно выспаться. И потом, там ведь Митя. Один.

– Да-да, Митя! – опомнилась женщина и послушно пошла вместе с Забродовым.

Митя спал. Забродов разложил кресло-кровать и постелил Грановской тут же.

– Может, чаю хотите? – предложил он.

– Нет-нет. Я сразу спать. Завтра с самого утра поеду к Дмитрию Павловичу в больницу...

Илларион Забродов пошел на кухню, заварил чай. Прежде чем достать из тайника и отдать Грановской папку, а это нужно было сделать обязательно, он должен был продумать все возможные последствия. Возможно, стоило сначала самому ознакомиться с находящимися у него документами.

Сказав Грановской о том, что о местонахождении папки с документами знает только Дмитрий Палыч, Забродов надеялся на то, что, если в квартире старика кто-то действительно успел установить «жучки», его слова могут защитить и Еву с Митей, и старика Грановского от посягательств. Его теперь должны будут жалеть и лелеять. Но, очевидно, что-то он не рассчитал или недооценил, с кем имеет дело.

Не успел он допить чай, как в прихожей зазвонил телефон. Забродов так боялся, что звонок может разбудить его гостей, что, только нажав вызов, понял: телефон не его, а Грановской, которая оставила его на тумбочке у двери.

– Простите, вы, очевидно, родственники Грановского, – послышался в трубке взволнованный, какой-то сдавленный женский голос. – Здесь ваш телефон против его фамилии написан. А я не могла вам не позвонить... Я должна была вас предупредить...

– Да, говорите, я слушаю... – сказал Забродов, зайдя на кухню и прикрыв дверь.

– Вашего дедушку убили! Они хотели у него что-то узнать. Но он умер... И я слышала. Я должна была вас предупредить! Они сейчас едут к вам!

Телефон резко отключился.

Забродов попытался набрать номер, который высветился на дисплее, но абонент был недоступен. Будь у него помощник, Забродов тут же отправился бы в больницу. Похоже, что звонившей женщине тоже угрожала опасность. Но он был один. И в его квартире оставались Ева и Митя, которых тоже нужно было защитить. К тому же у него была прекрасная возможность встретиться наконец с теми, кто проявляет повышенный интерес к документам Грановского. Поэтому Забродов проверил пистолет и, поглядывая в глазок, отпер замок. Он хотел пройти в квартиру Грановского, чтобы там встретить непрошенных гостей, но не успел. Свет на площадке резко погас, слышались шаги поднимающихся по лестнице людей. Забродов отлично читал по шагам. И теперь, прислушавшись, понял: их было двое. И это были сильные, уверенные в себе мужчины.

Глава 5

Больше всего в Европе Марго напрягало то, что постоянно приходилось встречаться с арабами, количество которых, как ей казалось, увеличивалось в геометрической прогрессии. Она выросла, можно сказать, в самой толерантной из всех бывших республик Союза, в Беларуси, и у нее не было к женщинам в хеджабах и смуглым мужчинам со светящимися, как угольки, черными глазами ненависти или неприятия. Она их просто боялась. Ей было страшно представить, что, когда у нее появятся дети, они вынуждены будут учиться в одном классе с мигрантами из арабских стран. А ведь в Осло, например, как пишут, в некоторых классах всего десять процентов коренных норвежцев. Ганс Крафт, ее муж, лысеющий бизнесмен средней руки, тот вообще их на дух не переносил. Когда она переехала к нему в Мюнхен и они поженились, эта проблема здесь особо не стояла. А сейчас... А сейчас вот она купила себе билет на поезд до Москвы. В женский вагон, женское купе. И оказалась один на один с угрюмой молодой женщиной в хеджабе, которая, как она поняла, лишь чуть-чуть говорила по-английски.

Конечно, лучше было бы лететь из Мюнхена в Москву на самолете, но тогда бы Крафт выследил ее на раз-два. А так есть надежда. Пока он подписывает свои контракты где-то в Штатах, ей нужно добраться до Москвы и предупредить Эда о возможной опасности.

Марго сама еще точно не знала, что может предпринять Крафт, который каким-то образом узнал о ее связи с Паршиным. Но тот должен был знать о существовании интимных фотографий, которые так взбесили Крафта, и по возможности себя обезопасить.

Все эти дни она пыталась и никак не могла дозвониться до Паршина и, по правде, даже волновалась, что же произошло.

После их встречи в минском казино, куда Паршин прилетел из Москвы расслабиться, они вместе провели незабываемую ночь у нее на квартире. А утром, пока она принимала душ, он куда-то исчез и упрямо не отвечал на ее звонки.

Крафт позвонил и просто-таки потребовал, чтобы она немедленно вернулась в Мюнхен. А там устроил просто дикий скандал. Он швырнул на стол пачку сделанных в квартире, где они были с Паршиным, фотографий и заорал:

– Швайн! Русиш швайн! Я немедленно подаю на развод!

Марго, как это у нее обычно неплохо получалось, попыталась свести все к шутке. Но у нее, увы, ничего не вышло. Более того, Крафт разозлился еще больше и начал орать, что растопчет, уничтожит этого подонка. А ей своим обычным, стальным голосом приказал немедленно собираться и уматываться в свой Минск. Но Марго, зная, что Крафт к ней не то что привязался, считай, примерз, решила использовать тайное женское оружие. Начала плакать, рыдать, упала на колени и попыталась просить прощения, клясться, что больше никогда не станет искать встречи с этим подонком Паршиным, который сам силой затащил ее в постель.

Крафт нервно дергался, не зная, как реагировать. Марго давно поняла, что для него семья – это все. Ему в тысячу раз было легче простить ей все ее залеты, чем заниматься разводом. Развод для таких, как он, добропорядочных немцев – проблема, и большая проблема. Ведь Марго отлично помнила, как настороженно, можно сказать, даже брезгливо встретила ее его родня. И ясное дело, ему совсем не хотелось никому признаваться, что он жестоко ошибся. Марго догадывалась, что и сogleдывая за ней нанял, скорее всего, не он, а кто-то из его «доброжелателей». А если Крафт сам захотел за ней проследить, то его волновала не столько то, что она с кем-то занималась любовью, на которую у него вечно не было ни сил, ни времени, сколько то, чтобы она не родила ему ребенка от какого-то русского хахалы. Именно потому Крафт, хотя и скомандовал ей убираться, сам находился как бы в растерянности. Но тут ему позвонили, намечалась какая-то важная для него сделка, и он срочно должен был лететь за океан.

– Хорошо, – сказал он все так же бесстрастно и сухо. – Я поверю тебе в последний раз. Но никуда, слышала, никуда до моего приезда чтобы не высывалась!

– Зачем мне куда-то высываться, когда у тебя такие видные из себя охранники! – проговорила Марго, миг приходя в себя, и хмыкнула.

Крафт залился краской и не нашелся что ей ответить.

– Знаешь, чтобы ты не волновался, я поеду в горы, – вдруг предложила Марго. Ей вдруг показалось, что, отправившись в их альпийское шале, она сможет взять реванш и разыграть свою партию.

– Но как ты там одна, в горах... – проговорил Крафт, не зная, как реагировать на это предложение.

– Почему одна... – пожала плечами Марго. – Там ведь есть Петер. Он-то точно не станет ко мне приставать. А я возьму с собой Луизу.

Крафт вздохнул, но времени на обсуждение не было. Ему нужно было спешить. Сделка, которая намечалась в Нью-Йорке, в данный момент была гораздо важнее возможной измены Марго.

Петер, который присматривал за его альпийским шале, был обычный деревенский ува-лень и, как успел заметить Крафт, скорее питал симпатию к их помощнице по хозяйству розовощекой темноглазой толстушке Луизе, чем к манерной Марго. Однако Крафт явно недооценил ни силы интереса Петера к Луизе, ни изобретательности Марго.

Как только он отправился в аэропорт, Марго собрала вещи, и на виду у всех они с Луизой сели в ее алый «шевроле». Весело посигналив, отчалили. Выехав за город, Марго притормозила и, протянув Луизе довольно солидную сумму денег, как можно внятней объяснила суть придуманного ею плана.

Луиза на ее алом «шевроле» отправляется в горы, звонит охранникам и предупреждает, что Марго, замаливая грех, дала обет молчания и вся связь с ней будет осуществляться лишь через нее. Крафт тоже будет держать связь лишь с Луизой. В горах Луиза может несколько дней пожить в свое удовольствие с Петером.

Сама же Марго должна отправиться в Минск, так как ей необходимо помочь ухаживать за больной тетей. Сердобольная простоватая Луиза, которая почему-то больше симпатизировала не Крафту, а Марго, без лишних расспросов пообещала выполнить все, как сказала Марго.

– Я не хочу мужа расстраивать, – добавила Марго, – у него в Нью-Йорке очень ответственное дело, а тут еще я со своими проблемами.

– Да-да, я все поняла, – кивнула Луиза, краснея от предчувствия встречи и предстоящих нескольких дней богатой жизни с Петером.

Разрулив таким образом, казалось бы, абсолютно безвыходную ситуацию, Марго надела темные очки, шляпу и, остановив попутную машину, поспешила на вокзал. Она почему-то была уверена, что Крафт не успел организовать за ней слежку. Но ему вполне могло прийти в голову заказать своим помощникам просмотреть на всякий случай списки пассажиров рейсов до Москвы. Да и знакомых у него полно. Встретят случайно и сообщат.

А в поезде, да еще в женском купе на двоих... Марго была уверена, что ее никто не вычислит. Но она никак не рассчитывала, что придется ехать вместе с арабской женщиной в хеджабе.

Арабке, очевидно, ее компания тоже не очень импонировала. Но лицо ее было непроницаемо. Она не стала ничего ни есть, ни пить, постелила постель и прямо в одежде и хеджабе улеглась под одеяло. Марго, выпив чаю, тоже хотела лечь отдохнуть, но поняла, что просто задыхается от густого пряного запаха ее парфюма, поэтому взяла сигареты и вышла в тамбур.

Она уже начинала жалеть о том, что не полетела на самолете. Она и сама любила яркие ароматы, но пряный запах арабского парфюма в этот раз почему-то подействовал на нее убий-

ственно. Она чувствовала, что ее начинает даже подташнивать. Перебить это можно было разве что сигаретами.

Марго покуривала лет с четырнадцати, еще с тех времен, когда была Маргаритой Липкиной и только училась краситься. Ее родители тогда только развелись, а бабушка с ней реально не справлялась.

Первый, кто попытался бороться с этой ее привычкой, был Крафт, он даже покупал ей новомодные электронные сигареты. Но она, испробовав, сразу съязвила:

– Если ты меня будешь пичкать электронными сигаретами, я тебе вместо секса буду слать воздушные поцелуи!

На что Крафт недовольно проворчал:

– Но курить – здоровью вредить. А лечиться у нас дорого, очень дорого...

– Ничего. Как-нибудь заработаю! – фыркнула Марго.

– Вот как-нибудь не надо! Еще не хватало! – не на шутку испугался Крафт, истолковав «как-нибудь» очень конкретно. И, регулярно перечисляя на карточку Марго приличные деньги на жизнь, больше к этой проблеме не возвращался.

Но Марго, которая обычно курила не по привычке, а за компанию, как ни удивительно, к курению остыла. Среди ее новых немецких знакомых были в основном те, кто придерживался, как говорится, здорового образа жизни.

Зато, выезжая в Минск провести родных, Марго отрывалась по полной. Крафт отлично знал о ее «боевом» прошлом, да и познакомились они в отеле, куда он пригласил ее, чтобы расслабиться. Но когда Марго стала его законной супругой и уехала с ним в Германию, он держал данное ей слово и не вспоминал о том, как она раньше зарабатывала деньги. Больше всего Марго была поражена тем, что, когда она приехала после замужества провести родственников, ее бывшая хозяйка-сутенерша не приставала к ней и не угрожала, как это бывало обычно с другими «выскачками» за границу, не требовала отработать и выплатить неустойку. Правда, одна из ее бывших товарок «открыла» ей глаза и за бокалом привезенного из Германии белого вина и сигаретой заявила:

– Да за тебя наша мамка столько от этой немчуры получила! Она бы без тебя до старости столько не заработала. Выкупил тебя твой благоверный из подневольного рабства. Только ты теперь смотри не спались, а то немцы, они собственники, ревнивые...

Но Марго никто был не нужен, кроме Эда. Чем ее так зацепил этот москвич, неизвестно. Но вот стоило ей его увидеть, и она опять растаяла.

А когда Паршин после их бурной ночи вдруг так внезапно исчез из ее квартиры, а потом не брал трубку, она не знала, что и думать. А тут еще и эта авария, в которой якобы погибла его жена... И Крафт со своими фотографиями!..

Марго достаточно хорошо изучила его характер и знала, что он не станет предупреждать. И если ее, Марго, он может и не тронуть, то Паршина его люди сотрут в порошок. И она обязана была предупредить его лично. Да, был Интернет, но у Крафта работает достаточно высокотехнологичные спецслужбы, которые все ее послания выловят на раз-два.

Кроме того, увидеть Паршина ей хотелось лично. Ее тревожило, почему он так неожиданно исчез из ее минской квартиры, а также возможная смерть его жены.

Выкуренная в тамбуре сигарета ее чуть успокоила, и, главное, ее перестало мутить. Она, как ей показалось, была даже готова терпеть пряную вонь арабских духов своей соседки, которая, укрывшись одеялом с головой, спала как ни в чем не бывало.

Но стоило Марго войти, как женщина зашевелилась и, чуть приподнявшись, принялась.

– Швайн! Русиш швайн! – недовольно проворчала она по-немецки.

Очевидно, она не переносила запаха табака.

И пока Марго как ни в чем не бывало разделась и улеглась в постель, арабка вскочила и, нервно дернув дверь, пробкой выскочила из купе. Сделала она это настолько резко, что у нее откуда-то, не то из кармана, не то из сумочки, выпала, как показалось Марго, знакомая визитка. Как только арабка вышла, она подняла украшенный серебряными виньетками картонный прямоугольник и не могла не удивиться.

В самом верху визитки среди загогулин красовался самолетик, а в центре ее красивыми, с наклоном буквами было выведено:

«ПАРШИН Эдвард Васильевич.

Русская авиакомпания “Серебряные крылья”».

Дальше шли адреса, телефоны. С другой стороны тот же текст был продублирован по-английски. У самой Марго в сумочке лежала точно такая же визитка. Подумав, Марго спрятала визитку в свой кошелек. И только успела юркнуть под одеяло, как дверь купе резко раздвинулась и сквозь зажмуренные веки она успела рассмотреть стоящую на пороге полногрудую проводницу.

– Фрау, как вас там, гражданочка! – сказала проводница по-русски. – Вам лучше перейти в вагон для курящих или в другое купе...

– Что?.. – будто спросонья проворчала Марго. – В какое еще другое купе?.. Если ей не нравится, – добавила она, рассмотрев за спиной проводницы свою арабскую соседку, – пусть и переходит в другое купе. И вообще, она не спит, а я сплю, не мешайте мне, – и она, укрывшись с головой одеялом, отвернулась к стене.

Проводница вполголоса попыталась объяснить что-то по-английски арабке. Та, судя по резким движениям, очевидно, разозлилась, но забрала вещи и вышла. Видимо, запах никотина был для нее совершенно невыносим.

Таким образом, Марго обеспечила себе комфорт и безопасность. Больше ее до Москвы никто не тревожил.

Она сходила в ресторан и даже выпила на ночь немного красного вина, выкурив потом в тамбуре еще одну сигарету. То, что у арабки была визитка Паршина, показалось ей более чем странным. Но еще более странным было то, что арабка не вернулась за ней. Правда, перед самой Москвой уже другая, совсем молоденькая, стройная проводница, постучав, заглянула в купе и, покраснев, спросила:

– Простите, вы здесь ничего не находили? Ваша соседка говорит, что потеряла визитку. Я, когда вас не было, посмотрела здесь все, но ничего не нашла...

– Может, она ее в унитаз спустила! – грубо отозвалась Марго, опасаясь, чтобы проводнице не пришлось в голову обыскивать ее карманы и сумочку.

– Простите, – извинилась проводница и напомнила: – Подъезжаем. Не забывайте свои вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.